

Алиса Солнцева

РАЗВОД В 43:
Муж к МАЛОЛЕТКЕ,
А Я — К МАСТЕРУ

Алиса Солнцева

РАЗВОД В 43: Муж к МАЛОЛЕТКЕ, А Я — К МАСТЕРУ

Алиса Солнцева

Развод в 43: Муж к малолетке, а я — к Мастеру

<https://litres.ru/74535564>

Аннотация

— Двадцать лет я выглаживала твои рубашки и строила наш дом по кирпичику, Толя — мой голос звучит чуждо, как скрип мела по доске. — Аглаша, ну не преувеличивай, — муж прячет глаза, натягивая штаны. — Это просто... ну, случилось. Она молодая, веселая. С ней я не чувствую себя школьником на педсовете.

Я — Аглая Вернадская, завуч элитной гимназии, «синий чулок» и образец правильности. Мой идеальный мир разлетелся вдребезги под звуки школьного вальса, когда я застала мужа в лаборантской с практиканткой.

Теперь за моей спиной шепчется вся школа, а бывший муж уверен: я пропаду без него. Ведь я ничего не умею, кроме как проверять тетради.

Он еще не знает, что в шкафу у «училки» спрятаны туфли для танго. Что в моей жизни скоро появится мужчина, чьи руки пахнут кедром и силой, а не предательством. И что прощать я не умею. Особенно тех, кто перепутал доброту со слабостью.

В тексте вас ждут: ✓ Сильная героиня, которая учится жить для себя ✓ Измена и развод (предатель будет наказан по всем фронтам!) ✓ Настоящий мужчина: суровый вдовец-мастер, который умеет ценить, а не оценивать ✓ Трудный подросток, ставший союзником ✓ Танцы, страсть и искры, летящие от столкновения двух сильных характеров ✓ Хэппи-энд (но не для бывшего!)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4 (Анатолий)	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8 (Анатолий)	62
Глава 9	71
Глава 10 (Вольф)	80
Глава 11	91
Глава 12	103
Глава 13 (Вольф)	110
Глава 14	118
Глава 15 (Анатолий)	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Глава 1

Мой внутренний будильник сработал ровно в пять двадцать восемь. За две минуты до того, как электронный писк на тумбочке должен был разрезать серую тишину спальни. Я не открывала глаза сразу. Просто лежала, слушая, как дом медленно просыпается: где-то в недрах стен гудели трубы, за окном по влажному асфальту шуршали шины первых автобусов, а рядом мерно и тяжело сопел Анатолий.

Двадцать лет я просыпаюсь вот так. Минута в минуту. Порядок — это не просто слово, это мой каркас. Если я позволю себе расслабиться хоть на мгновение, всё, что я строила по кирпичику, рухнет. Гимназия, дом, репутация идеальной семьи.

Я осторожно села, опустив ноги на прохладный паркет. Каждая доска здесь была мне знакома. Эту квартиру в старом сталинском доме с потолками под три метра я получила от бабушки. Толя тогда еще работал простым слесарем и только-только начинал «искать себя», меняя одну мастерскую на другую. Пока он искал, я вкалывала на две ставки, брала репетиторство до полуночи и вылизывала каждый угол этого пространства. Теперь здесь был мой ковчег. Моя крепость с дубовыми дверями и идеально расставленными корешками книг в шкафу.

Прежде чем встать, я невольно скользнула взглядом по

нижней полке гардероба. Там, за чехлом с моим парадным пальто, в глубокой тени пряталась обувная коробка. Я знала, что там лежит, хотя не открывала её лет пятнадцать. Красный сатин, тонкий ремешок, стертая на носках кожаная подошва. Мои туфли для латины. Иногда, когда Толя уезжал на рыбалку, я доставала их и просто держала в руках. Гладила атлас, вспоминая, как когда-то паркет под моими ногами горел, а музыка заставляла кровь пульсировать в висках. Но это была другая Аглая. Та, которую я надежно похоронила под серым пиджаком завуча по воспитательной работе.

Толя заворочался, что-то пробурчал во сне и перетянул одеяло на свою сторону. Я тихо выскользнула из комнаты.

На кухне пахло чистотой — слабый аромат лимона от вчерашнего моющего средства. Я действовала механически, как отлаженный часовой механизм. Щелчок кофемашины. Тонкий звон ножа о доску. Я готовила завтрак. Анатолий в последнее время начал жаловаться на тяжесть в желудке, поэтому я составила для него диетическое меню. Омлет с бланшированным шпинатом, тост из цельнозернового хлеба, зеленый чай.

— Опять эта трава, Аглаш? — Его голос, хриплый и сонный, заставил меня вздрогнуть.

Он стоял в дверном проеме, почесывая через трикотажную майку округлившийся живот. В сорок пять Толя стал тяжелым, обрюзгшим, его движения утратили былую легкость, которую я когда-то полюбила в молодом автомеханике с зо-

лотыми руками.

— Это полезно, Толя. У тебя юбилей гимназии сегодня, нужно быть в форме. Ты обещал помочь с аппаратурой в актовом зале.

— Да помню я, помню, — он сел за стол, брезгливоковырнув вилкой шпинат. — Вечно ты из всего делаешь министерский прием. Юбилей... Ну, пятьдесят лет школе, и что? Дети те же, душнина та же. Только ты у нас как на параде.

Я промолчала, медленно отпивая свой черный кофе без сахара. Я привыкла к его ворчанию. Это была часть нашего быта, такая же привычная, как шум холодильника. Я знала, что за этим фасадом грубоватого механика скрывается «мой Толя» — человек, который когда-то принес мне первый букет полевых цветов в банке из-под майонеза. Или я просто хотела так думать?

— Я погладила твой костюм, — сказала я, глядя в окно. — Пожалуйста, надень свежую рубашку. Ту, которую ты вчера принес из сервиса.

— А чем та плоха? — он набил рот омлетом, не глядя на меня.

— Она пахнет цехом, Толя. В гимназии будут важные люди. Из департамента приедут, из администрации. Мы — лицо учебного заведения.

— Мы — это ты, Аглая Сергеевна, — он криво усмехнулся. — А я так, принеси-подай. Ладно, надену, не зуди.

Когда он ушел в ванную, я вернулась в спальню. Сумка

Толи валялась на кресле. Он часто оставлял вещи в шкафчике на работе, объясняя это тем, что в сервисе пыльно и «приличное» лучше хранить под замком. Вчера он принес пакет со свежевыстиранной, как он сказал, рубашкой.

Я достала её, чтобы разложить на гладильной доске. Ткань была прохладной. Я поднесла утюг, нажала на кнопку подачи пара, и густое облако ударило мне в лицо.

Вместе с влажным теплом поднялся запах.

Это не был запах моего кондиционера «Альпийская свежесть». И это точно не был запах мужского дезодоранта.

Приторная, липкая ваниль. Дешевая, кричащая, она заполнила мои легкие в одно мгновение. Так пахнут в кондитерских лавках или в магазинах косметики для подростков. Сладкий аромат чужой женщины, смешанный с едкими цветочными нотами.

Утюг замер в паре сантиметров от воротничка. В голове что-то коротко и болезненно щелкнуло. Я медленно опустила прибор на подставку и поднесла ткань к самому лицу. Закрыла глаза и вдохнула.

Ваниль. Чужая, наглая ваниль.

Дверь ванной скрипнула, послышались тяжелые шаги. Я не успела убрать рубашку, так и стояла, вцепившись пальцами в край гладильной доски.

— Ну чего застыла? — Анатолий вошел, вытирая голову полотенцем. На его плече виднелся след от вчерашней работы — небольшое масляное пятно, которое он не отмыл. —

Утюг сожжешь.

Я медленно повернулась к нему. Мой голос звучал ровно, как на уроке русского языка, когда я объясняю правило, которое класс обязан знать назубок.

— Толя, от этой рубашки странно пахнет. Какой-то... женский парфюм. Очень сладкий.

Он замер. Полотенце на его голове съехало набок, обнажая редеющие волосы. На долю секунды — крохотную, почти неуловимую — в его глазах метнулась паника. Но он тут же справился с собой. Его лицо приняло выражение привычного раздражения.

— Опять началось? — он подошел и грубо вырвал рубашку у меня из рук. — Ты что, теперь ищейкой подрабатываешь?

— Я просто спросила, откуда этот запах, — я старалась держать спину прямо, хотя внутри что-то начало мелко и противно вибрировать.

— Да клиентка вчера была! — рявкнул он, начиная натягивать рубашку прямо на мокрое тело. — На «Мазде» своей приперлась, вся в духах, как клумба. У нее там флакон в салоне разбился, что ли... Весь бокс провонял. Я пока сцепление ей менял, сам как девка стал пахнуть. Я же тебе говорил, что в сервисе всё пропитывается!

Он застегивал пуговицы, путаясь в петлях. Его пальцы, привыкшие к гаечным ключам, выглядели сейчас какими-то неуклюжими.

— Ты говорил, что рубашка была в шкафчике, — тихо напомнила я.

— Так я её туда и повесил! А шкафчик не герметичный, Аглая! Там щели в палец! Вся вонь туда и забилась. Ты что, серьезно сейчас меня допрашиваешь? У тебя в школе перебор с дисциплиной, так ты решила дома педсовет устроить?

Он схватил пиджак и, не глядя на меня, направился к выходу.

— Хватит мне мозг выносить. И так голова с утра раскалывается. Буду я еще оправдываться из-за того, что клиенты воняют... Жди в школе, приду я со своей аппаратурой.

Дверь хлопнула так, что в серванте звякнул хрусталь. Тот самый, который мы покупали на десятилетие свадьбы.

Я осталась стоять посреди спальни. В воздухе всё еще висел этот приторный ванильный след. Разум, мой тренированный, логичный разум завуча, тут же начал выстраивать оправдания. «Клиентка. Конечно. В автосервис приходят разные люди. Толя — простой мужик, он бы не стал так нагло врать. Мы двадцать лет вместе. У нас квартира, общие планы на отпуск в октябре...»

Но червячок уже проснулся. Он не просто грыз, он ввинчивался в самую суть моего спокойствия. Запах был слишком свежим. Слишком... адресным. Как будто кто-то специально пометил его.

Я подошла к зеркалу.

На меня смотрела сорокатрехлетняя женщина. Кожа всё

еще гладкая, но в углах глаз залегли тени от вечного недосыпа. Губы сжаты в узкую линию. Никаких лишних эмоций. Мой костюм цвета мокрого асфальта сидел идеально — он скрывал и мою грудь, и талию, и всё то, что могло напомнить о женщине внутри завуча Вернадской.

Я тщательно зачесала волосы назад, стягивая их в тугой, болезненный пучок. Шпилька за шпилькой. Раз. Два. Пять. Каждая — как гвоздь в крышку гроба моих сомнений.

— У тебя всё под контролем, Аглая, — прошептала я своему отражению. — Просто нервы перед праздником. Просто дурацкий освежитель в чужой машине.

Я взяла сумку, проверила наличие папки с речами и ключей от кабинета. Порядок. Всё должно быть в порядке.

Выходя из подъезда, я столкнулась с нашей соседкой, Лидией Николаевной. Она работала секретарем в нашей же гимназии и была главным ретранслятором всех сплетен района.

— Ой, Аглая Сергеевна, доброе утро! — Лидия расплылась в елейной улыбке, поправляя свой аляпистый шарфик. — Нарядная какая! Праздник-то сегодня большой. А Анатолий ваш уже упылил? Видела, как он из подъезда выскочил, аж не поздоровался. Торопится помогать?

— Доброе утро, Лидия Николаевна. Да, у Анатолия много работы с микрофонами. Юбилей требует подготовки.

Я прошла мимо нее, чувствуя на спине её липкий взгляд. Я знала, что она сейчас оценивает длину моей юбки и то, как

я держу сумку. В гимназии меня называли «Айсбергом». И я гордилась этим прозвищем. Айсберги не тонут от мелких брызг.

Шагая по направлению к школе, я вдыхала прохладный сентябрьский воздух. Листья уже начали золотиться, дворники лениво скребли метлами по тротуару. Гимназия №5 возвышалась в конце улицы — монументальное здание с колоннами, украшенное сейчас огромным баннером: «Нам 50 лет! Традиции и будущее».

Я вошла через главный вход. Охранник Валера вытянулся в струнку, приветствуя меня. В вестибюле уже суетились старшеклассники, развешивая плакаты. Пахло мелом, свежей краской и предвкушением грандиозного события.

Но в глубине моего сознания, за всеми пунктами плана на сегодня, всё ещё пульсировала одна единственная нота. Сладкая. Ванильная. Удушающая.

Я поднялась к себе в кабинет, заперла дверь и на мгновение привалилась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Я снова, в сотый раз за утро, попыталась вспомнить: пользовалась ли когда-нибудь я такими духами? Нет. Мой выбор — горький цитрус или морская соль. Эта ваниль была чужой территорией.

— Это просто работа, Аглая, — приказала я себе. — Просто юбилей.

Я села за стол, открыла ежедневник и вычеркнула первый пункт: «Завтрак, подготовка мужа».

Следующий пункт гласил: «Проверка готовности актового зала. 9:00».

Я встала, поправила пиджак и вышла в коридор. Мои каблуки четко отбивали ритм по линолеуму. Цок. Цок. Цок.

Я не знала, что этот ритм — обратный отсчет до момента, когда моя «идеальная» жизнь превратится в пыль под моими ногами. Но пока я была Вернадской. И у меня всё было под контролем.

Глава 2

Белые лепестки, распутившиеся в огромных напольных вазах, источали сладкий, дурманящий аромат, который в сочетании с жаром сотен тел и тяжелым парфюмом приглашенных гостей создавал липкую, удушливую атмосферу.

Я стояла в тени тяжелой бархатной кулисы, прижав к груди планшет с распечатанным сценарием. Мои пальцы в тонких кожаных перчатках — деталь, которую я добавила в последний момент для пущей официальности, — подрагивали, но со стороны я выглядела как изваяние. Завуч Вернадская. Непокосимая, идеальная, стальная.

На сцене наш хор допевал торжественный гимн гимназии. Мальчики в белых рубашках, девочки в строгих платьях — всё как по линейке. Я лично проверяла чистоту воротничков перед выходом. Порядок — это единственное, что удерживало мой внутренний мир от сползания в ту серую бездну, которая разверзлась утром в моей спальне.

Ваниль.

Этот проклятый запах всё еще преследовал меня. Он пробивался сквозь лилии, сквозь запах мела и лака для волос. Он сидел в моих ноздрах, как ядовитый шип. Я пыталась убедить себя, что это паранойя. Что Толя прав, и это просто отголосок чужой «Мазды». Но каждый раз, когда я видела его пустое место в первом ряду, в груди что-то болезненно

сжималось.

— Аглая Сергеевна, — раздался за спиной вкрадчивый голос нашего директора, Виктора Павловича. — Всё идет блестяще. Вы превзошли саму себя. Департамент в восторге.

Виктор Павлович, мужчина вальяжный, с аккуратно подстриженной седой бородкой и взглядом опытного царедворца, подошел ко мне вплотную. От него пахло дорогим табаком и коньяком — видимо, уже успел приложиться в кабинете с важными гостями.

— Спасибо, Виктор Павлович, — я ответила, не поворачивая головы. Мой взгляд был прикован к пульту звукорежиссера в конце зала. Там должен был находиться Анатолий. — Мы старались.

— Да-да, — директор рассеянно поправил свой шелковый галстук. — Кстати, а где ваш... ммм... технический гений? Я заходил в рубку, там сидит десятиклассник Сидоров. Путаёт фейдеры, микрофоны фонят. Анатолий Борисович обещал лично проконтролировать трансляцию. Юбилей всё-таки, пятьдесят лет — это вам не шутки.

Я почувствовала, как очередная шпилька в моем пучке впиалась в кожу за ухом. Острая, пульсирующая боль была даже приятной. Она отвлекала.

— У Анатолия возникла небольшая заминка с кабелями, — солгала я, и мой голос даже не дрогнул. Годы педагогической практики научили меня врать ученикам про их светлое будущее, так почему бы не соврать директору про мужа? —

Он проверяет соединения в серверной. Скоро будет.

— Ну, пусть поторапливается, — Виктор Павлович хлопнул меня по плечу. Рука была тяжелой и влажной. — После официальной части будет фуршет для ветеранов. Вы нужны там во всеоружии.

Он ушел, а я осталась стоять, чувствуя, как под мышками нарастает влажный холод. Где он? Телефон Толи был вне зоны доступа с самого обеда. Он завез аппаратуру утром, буркнул что-то невнятное про «докупить переходник» и исчез.

На сцене начался «Юбилейный вальс». Десять пар кружились в ритме музыки, их тени метались по стенам, украшенным золотыми цифрами «50». Я смотрела на них и видела нас. Двадцать лет назад. Толя тогда еще не был таким тяжелым. Он вел меня уверенно, его ладонь на моей талии была горячей. Он шептал мне на ухо, что я — его самая главная победа.

Куда делся тот человек? И когда он превратился в того, кто прячет глаза и пахнет дешевой кондитерской?

Я больше не могла здесь стоять. Этот зал, полный фальшивых улыбок и пафосных речей, начал на меня давить. Мне нужно было найти его. Прямо сейчас. Чтобы он просто посмотрел мне в глаза и сказал, что я дура. Что я всё придумала.

Я бесшумно выскользнула из-за кулис и вышла в коридор. Здесь царил полумрак. Свет был выключен для экономии, лишь дежурные лампы отбрасывали длинные, уродливые те-

ни на линолеум. Звуки праздника мгновенно стали приглушенными, как будто я нырнула под воду. Гул аплодисментов, доносившийся из зала, напоминал шум прибой.

Я шла по знакомым коридорам, и мои каблуки выбивали тревожную дробь. Цок-цок-цок. Гимназия №5 была моим домом больше, чем та квартира в сталинке. Я знала здесь каждую трещину на потолке, каждый скрип половицы. Но сейчас школа казалась мне чужой. Огромным, затаившимся зверем.

Возле лестницы, ведущей ко второму блоку, я увидела фигуру. Лидия Пуфикова. Секретарша. Она стояла у окна, прижимая к груди бокал с чем-то подозрительно похожим на коньяк из директорских запасов. Её наряд — розовое платье в пайетках, которое на её необъятной фигуре выглядело как обертка от огромной конфеты — поблескивал в сумерках.

— Ой, Аглая Сергеевна! — она едва не выронила бокал, увидев меня. На её лице мгновенно расплылась та самая улыбка, которую я ненавидела больше всего на свете. Смесь подбострастия и ядовитого любопытства. — А вы чего не в зале? Такое торжество! Виктор Павлович прямо расцвел.

— Работаю, Лидия Николаевна, — я попыталась пройти мимо, но она сделала шаг в сторону, перегораживая мне путь.

— Все мы работаем, — она икнула и прикрыла рот пухлой ладошкой с ярко-алым маникюром. — А муж ваш — просто золото. Такой труженик. Я его видела часок назад, бежал

куда-то, весь в мыле. Я ему говорю: «Анатолий Борисович, присядьте, шампанского пригубите», а он — нет, говорит, надо аппаратуру налаживать. В лаборантскую побежал, во второй блок.

Моё сердце пропустило удар. Второй блок. Там находились кабинеты химии и биологии. Старое крыло, которое сейчас почти не использовалось из-за юбилея — все занятия отменили.

— В лаборантскую? — переспросила я, стараясь, чтобы голос не звучал слишком заинтересованно.

— Ну да, — Лидия Николаевна придвинулась ближе. От неё пахло спиртным и каким-то тяжелым, «советским» парфюмом. — Там же щиток запасной. Он сказал, что трансляция может вырубиться, если не проверить.

Она замолчала, глядя на меня своими маленькими, заплавленными жиром глазками. В них светилось странное, нездоровое возбуждение. Как будто она знала что-то, чего не знала я. И это знание доставляло ей физическое удовольствие.

— А еще там Рената наша, практикантка англичанка, — добавила она шепотом, обдавая меня парами алкоголя. — Пошла туда за картами какими-то для стенда, да так и не вернулась. Я вот думаю — не случилось ли чего? Щитки — дело опасное. Аппаратура там старая, скрипит всё, стонет...

Она сделала ударение на слове «стонет» и противно хихикнула.

— Лидия Николаевна, идите в зал, — мой голос стал ледяным. — И бокал оставьте. На рабочем месте пить запрещено.

— Да я что... я ничего... — она обиженно выпятила нижнюю губу. — Я же как лучше. Просто звук там такой... странный из лаборантской доносится. Скрипит оно там всё. Вы бы проверили, Аглая Сергеевна. А то, не дай бог, замкнет или вспыхнет. А мы тут празднуем...

Она развернулась и пошла прочь, покачивая бедрами. А я осталась стоять в темноте коридора.

Слова Пуфиковой упали в мою душу, как камни в глубокий колодец. «Скрипит... стонет... практикантка».

Я знала Ренату Лобанову. Двадцать два года. Длинные ноги, пустые глаза и вечно расстегнутая верхняя пуговица на блузке. Она появилась в нашей гимназии месяц назад и сразу стала объектом вожделения всех старшеклассников и предметом пересудов в учительской. Она была воплощением всего того, что я презирала: легкомысленности, поверхностности и наглой, бьющей в глаза молодости.

Я посмотрела в сторону темного перехода во второй блок. Длинный коридор казался бесконечным тоннелем. В его конце была дверь лаборантской.

Разум кричал мне: «Вернись в зал! Это Пуфикова, она просто пьяная дура, она хочет тебя уколоть!». Но ноги уже несли меня вперед.

Я шла по переходу, и каждый мой шаг отдавался гулким

эхом в пустых классах. Здесь не пахло лилиями. Здесь пахло старой бумагой, пылью и тем самым специфическим школьным холодом, который не выветривается даже летом.

Я остановилась перед дверью с табличкой «Лаборантская. Кабинет химии».

Тишина.

Но это была не та тишина, которая бывает в пустых помещениях. Это была тишина, наполненная присутствием. Скрытая, затаенная.

Я протянула руку к дверной ручке. Она была холодной и скользкой. Моё дыхание стало частым и поверхностным. В голове пульсировала только одна мысль, которая перекрывала все правила приличия, весь мой педагогический кодекс, всю мою гордость:

«Только бы не ваниль. Пожалуйста, Господи, пусть там пахнет только хлоркой и старыми реактивами».

Я нажала на ручку. Дверь была не заперта. Она медленно, с едва слышным стоном петель, начала открываться внутрь.

И в этот момент из щели в коридор вырвался запах.

Густой. Приторный. Ванильный.

Мир вокруг меня пошатнулся. Звуки вальса из актового зала, которые всё ещё доносились откуда-то издалека, превратились в издевательский, хаотичный шум. Я сделала шаг вперед, в полумрак комнаты, заставленной шкафами с колбами и скелетами.

Я еще ничего не видела, но я уже всё знала. Мой «идеаль-

ный» брак, мой «верный» Толя, моя двадцатилетняя «крепость» — всё это существовало ровно до этой секунды.

Я толкнула дверь сильнее.

— Толя? — мой голос был тихим, почти шепотом, но в этой тишине он прозвучал как выстрел.

За шкафами, там, где стоял большой демонстрационный стол, что-то задвигалось. Послышался шорох одежды и сдавленное, испуганное дыхание.

Я зашла за угол.

Свет из окна, падающий на стол, выхватил две фигуры. Мужчина в белой рубашке — той самой, которую я гладила утром. Его брюки были спущены до колен. И девушка, чьи ноги в тонких капроновых колготках были закинута ему на плечи. Её голова была откинута назад, а на столе, среди стеклянных пробирок, валялась её расстегнутая блузка.

Рената Лобанова.

Они замерли. В этой позе, в этом грязном, животном моменте. Анатолий медленно повернул голову. Его лицо было красным, потным, с капельками влаги на лбу. В глазах не было ужаса. Только тупое, животное недоумение. Как у пойманного в свете фар зверя.

А в воздухе... в воздухе стоял такой аромат ванили, что меня начало подташнивать.

Я стояла и смотрела на них. Я чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Не плачет, не кричит, а просто превращается в лед. Клетка за клеткой.

Я не была готова к этому. К этой пошлости. К этому столу для химических опытов. К этим ногам Ренаты.

Но я была Аглаей Вернадской. И я знала, что делать, когда ситуация выходит из-под контроля.

— Продолжайте, — сказала я голосом, в котором не было ни капли тепла. — Не хочу мешать техническому обслуживанию гимназии.

Я развернулась, чтобы уйти, но мой взгляд упал на массивную вазу из богемского хрусталя, стоявшую на полке рядом. Подарок выпускников прошлого года. Тяжелая, граненая, она блеснула в полумраке.

Я не думала. Моя рука сама потянулась к ней.

Это был единственный звук, который разорвал тишину второго блока. Звон разбитого хрусталя о стену прямо над их головами. Осколки дождем посыпались на стол, на спину Толи, в волосы Ренаты, которая наконец-то сообразила взвизгнуть.

Я не обернулась. Я вышла из лаборантской, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 3

Мир не рухнул с грохотом. Он начал рассыпаться тихо, с едва слышным шорохом, как осыпается старая побелка в заброшенном классе.

Я замерла в дверном проеме, и время в лаборантской превратилось в густой, липкий кисель. Моё зрение, обычно панорамное, сузилось до крошечного пятна, выхваченного тусклым светом дежурной лампы. Этот свет дрожал, отражаясь в стеклянных пузатых колбах на полках, и рисовал на стенах уродливые, ломаные тени.

Запах ванили здесь был концентрированным, почти осязаемым. Он облеплял горло, мешая дышать, впитывался в ткань моего серого пиджака. К нему примешивался едкий душок формалина и старой пыли — вечных спутников школьных лаборантских.

Толя дернулся. Его потная спина, обычно такая родная и надежная, сейчас казалась чужеродным объектом, каким-то бесформенным куском бледного теста. Он начал нелепо суетиться, пытаясь одновременно прикрыться и натянуть брюки, которые зацепились штаниной за ножку стола.

— Аглая... — выдохнул он, и в этом звуке не было раскаяния. Только вязкая, тяжелая досада. — Черт, ну зачем ты пришла? Вечно ты со своим контролем, даже здесь...

Я смотрела не на его лицо. Мой взгляд прикипел к де-

монстрационному столу. Там, под лопаткой Ренаты, лежала моя методичка по «Слову о полку Игореве». Синяя обложка, которую я собственноручно обклеила прозрачной пленкой, чтобы не пачкалась. Мой труд, мои бессонные ночи над конспектами теперь служили подстилкой для этой сцены. На обложке виднелся жирный мазок помады и какой-то грязный след от его ладони.

Это ударило сильнее, чем сам факт измены. Моя жизнь, аккуратно разложенная по папкам и параграфам, была использована как ненужный хлам.

Рената Лобанова наконец сообразила прикрыть грудь своей расстегнутой блузкой. Она не выглядела раздавленной. В её глазах, подернутых испугом, я разглядела нечто иное. Торжество. Мелкое, пакостное ликование девчонки, которая сумела увести мужика у «самой Вернадской». Она смотрела на меня, тяжело дыша, и в её растрепанных волосах запутался блик от лампы. Она была молодой. Гладкой. Совершенно пустой. И именно на эту пустоту мой Толя променял двадцать лет нашего «вместе».

— Оденься, — мой голос прозвучал так, будто я читала условия диктанта. Сухо, отчетливо, без единой лишней вибрации. — И ты, Лобанова, тоже. Не заставляй меня вызывать клининговую службу для дезинфекции стола.

Толя наконец справился с брюками. Он стоял, нелепо заправив рубашку лишь наполовину. На его щеке алел свежий след от помады — как клеймо, как насмешка.

— Аглаш, ну ты же взрослая женщина, — начал он, и в его голосе прорезались те самые нотки, которыми он обычно оправдывал свои опоздания с работы. — Ты сама меня довела. Твои правила, твои графики, твои шпильки в пучке... Я здесь задыхаюсь. А с ней... с ней я живой. Понимаешь?

Я не понимала. Я видела перед собой чужого человека. Мужчину с покрасневшим лицом, который за двадцать лет так и не научился достойно проигрывать. В его «я живой» слышалось обычное «я трус».

Мой взгляд переместился на полку за их спинами. Там, среди пыльных справочников, стояла ваза из богемского хрусталя. Тяжелая, с острыми гранями, она была подарком моего первого выпуска. Дети скидывались, выбирали, верили, что их любимая учительница будет ставить в неё самые красивые цветы.

Я сделала два шага вперед. Подошвы моих туфель скрипнули по линолеуму. Толя попятился, ударившись поясницей о край стола. Рената пискнула и сползла на пол, лихорадочно застегивая пуговицы.

Я взяла вазу. Медленно, ощущая ладонью холод и вес хрусталя. В голове было удивительно ясно. Никакого тумана, никакой истерики. Только острая, как скальпель, решимость.

— Живой, значит? — переспросила я.

Я не замахнулась на него. Я не собиралась пачкать руки об их тела. Я просто коротким, точным движением швырнула

вазу в стену прямо над их головами.

Хрусталь встретился с бетоном с оглушительным звоном. Это был звук умирающей надежды. Тысячи мелких, сверкающих игл разлетелись по комнате. Они дождем посыпались на их плечи, на стол, на мою несчастную методичку. Одна из искр полоснула Толю по скуле — тонкая красная нить крови мгновенно проступила на коже, но он даже не шелохнулся. Он смотрел на меня так, будто увидел привидение.

В лаборантской воцарилась тишина. Настоящая, вакуумная, в которой было слышно, как где-то в актовом зале за три стены отсюда приглушенно ухают басы школьной дискотеки. Жизнь продолжалась, но не для нас.

— У вас есть пять минут, — сказала я, поправляя манжет пиджака. — Ровно пять минут, чтобы выйти из этого здания через черный ход.

— Аглая, послушай... — Толя попытался сделать шаг ко мне, протягивая руку. Руку, которая еще минуту назад ласкала Лобанову.

Я отступила. Физическое отвращение накатило такой волной, что во рту стало горько.

— Если через пять минут я увижу вас в коридорах или на парковке, — я сделала паузу, глядя ему прямо в зрачки, — я дойду до радиорубки. И весь юбилейный зал, включая директора и делегацию из департамента, услышит в прямом эфире подробности вашего «технического обслуживания».

Я понятно выражаюсь, Анатолий Борисович?

Он сглотнул. Кадык на его шее дернулся. Он знал, что я сделаю это. Для «железной Вернадской» репутация была всем, но сейчас он понял, что я готова сжечь этот храм до основания, лишь бы выкурить из него паразитов.

— Понятно, — хрипло ответил он.

— Лобанова, заявление на стол директору завтра к восьми утра. По собственному. Или вылетишь по статье за аморальное поведение, — я перевела взгляд на девушку. Она уже не улыбалась. Она выглядела как промокший котенок, жалкий и облезлый.

Я развернулась и вышла из лаборантской.

Дверь закрылась за моей спиной с мягким щелчком. Коридор второго блока встретил меня полумраком и тишиной. Я шла, и звук моих каблуков казался мне грохотом барабанов. Ноги были ватными, в животе завязался тугой холодный узел, но я не позволяла себе сбавить шаг.

У поворота к главной лестнице я увидела тень. Лидия Пуфикова всё еще ошивалась там, прижимаясь к стене. Её лицо в свете дежурной лампы выглядело как маска из воска. Она ждала шоу. Она ждала, что я выбегу в слезах, с размазанной тушью, крича от боли.

Я прошла мимо неё. Мой взгляд был устремлен вперед, спина — прямая, как натянутая струна. Я не просто не плакала, я даже не моргнула, когда наши глаза встретились.

— Что-то случилось, Аглая Сергеевна? — елейным го-

лосом пропела она, заглядывая мне в лицо. — Вы какая-то бледная.

— Всё в порядке, Лидия Николаевна, — ответила я, не останавливаясь. — Просто в лаборантской разбилась старая ваза. Осколков много, завтра распорядитесь, чтобы техничка убрала. Аппаратура работает исправно.

Я оставила её стоять с открытым ртом. Это была моя маленькая победа. Лидия не получит своей порции яда сегодня.

Я спустилась на первый этаж, прошла через вестибюль. Охранник Валера что-то весело крикнул мне вслед, но я не обернулась. Тяжелые дубовые двери гимназии закрылись за мной, отсекая шум праздника.

На улице было прохладно. Сентябрьский вечер пах прелой листвой и дождем. Я дошла до парковки, нашла свою старую «Киа» и села за руль.

Тишина в салоне была почти физической. Я положила руки на руль и только сейчас заметила, что они трясутся. Мелко, неукротимо. Я сжала пальцы так, что побелели костяшки.

В сумке завибрировал телефон. Сообщение от завуча по учебной части: «Аглая, ты где? Директор зовет на фуршет, ветераны хотят тост от тебя!».

Я выключила телефон и отбросила его на соседнее сиденье.

Перед глазами всё еще стояла эта сцена: Толя, методичка и ваниль. Двадцать лет жизни, превратившиеся в груды би-

того богемского хрусталя.

Я завела мотор. Свет фар выхватил из темноты мокрый асфальт и стену школы. Где-то там, наверху, в лаборантской, двое неудачников сейчас лихорадочно собирали свои вещи, боясь моего гнева.

Я не знала, что буду делать завтра. Я не знала, как зайду в пустую квартиру, где пахнет его одеколоном. Но я точно знала одно: Аглая Вернадская никогда не станет объектом жалости.

Я выехала с парковки, не оборачиваясь на сияющие окна гимназии. Впереди была темнота города, и я впервые в жизни не знала маршрута. Но это была уже не иллюзия. Это была свобода, которая пахла не ванилью, а холодным, честным ветром.

Глава 4 (Анатолий)

от лица Анатолия

Щеку дергало мелкой, паскудной судорогой. Кровь уже подсохла, стянув кожу неприятной коркой, но я не решался прикоснуться к порезу. Осколок хрусталя прошел по касательной, но метил, судя по всему, прямо в глаз.

— Толик, ну Толик... подожди, — Рената семенила за мной по темному переулку, ведущему к школьным гаражам.

Она всхлипывала, размазывая по лицу тушь так, что стала похожа на перепуганного енота. Куда делась та сексуальная кошечка, которая десять минут назад выгибалась под моими руками на демонстрационном столе? Сейчас передо мной была просто девчонка, напуганная до икоты моей женой.

— Сядь в машину, Рената. Пожалуйста, просто замолчи и сядь, — я бросил это через плечо, не оборачиваясь.

Я чувствовал себя так, будто меня пропустили через бетономешалку. В ушах всё еще стоял этот звон — чистый, высокий, звенящий звук разбитого богемского хрусталя. И её голос. Ледяной, мертвый голос Аглаи. Она не кричала, не впадала в истерику, не вцеплялась Ренате в волосы, как сделала бы любая нормальная женщина. Нет, она вынесла приговор. Спокойно, как на педсовете. И это бесило меня больше всего.

Я усадил Ренату в её малолитражку, захлопнул дверь и, не дожидаясь, пока она заведет мотор, пошагал к своей «Ниссану». Внутри всё клокотало от праведного гнева. Да-да, именно праведного.

«Пять минут, Толя. У тебя пять минут».

Я ударил ладонью по рулю, когда сел в салон. Сука. Двадцать лет жизни. Двадцать лет я был образцовым мужем, тянул лямку, выслушивал её бесконечные поучения. Я знал, как правильно ставить ударение в слове «звонит», как правильно складывать салфетки и почему нельзя носить сандалии с носками. Я жил в музее, а не в доме. Каждый день — как экзамен. И сегодня я его официально провалил. Ну и к черту всё!

Я завел двигатель и резко рванул с места, обдав гравием забор гимназии.

Дорога до дома заняла минут десять, но в моей голове за это время пронеслась вся наша жизнь. Я вспоминал, как Аглая смотрела на меня в последнее время. Как на старый, неисправный механизм, который еще выполняет функции, но уже порядком надоел. Никакой страсти, никакого огня. Только графики, планы и вечное «Толя, ты не вымыл руки» или «Толя, не чавкай».

А Рената... Рената смотрела на меня с обожанием. Для неё я был не «техническим работником», а Мастером. Мужчиной, который может починить что угодно и который знает вкус настоящей жизни, а не только правила орфографии.

Она пахла ванилью, молодостью и свободой. А Аглая пахла хлоркой, старой бумагой и мятными леденцами от горла.

Я припарковался у нашего подъезда, загнав колесо на бордюр. Плевать. Пусть штрафуют.

В подъезде было темно — перегорела лампочка, которую я обещал заменить еще на прошлой неделе. Я поднимался по ступеням, и каждый шаг отдавался в висках: «Имею право. Я имею право на счастье. Я не раб».

Я открыл дверь своим ключом. В прихожей было тихо. Слишком тихо. Идеально чистые тапочки стояли в ряд, на вешалке — ни одной лишней складки на её плащах. Квартира-крепость. Квартира-склеп.

Я прошел вглубь, не снимая ботинок. На подошвах была грязь с той самой парковки, и я с каким-то мстительным удовольствием оставлял серые следы на светлом ламинате. Пусть моет. Это ведь её любимое занятие — тереть и чистить.

Аглая была в гостиной. Она не плакала. Она сидела в кресле с книгой в руках, как будто ничего не произошло. Даже свет не включила — только торшер в углу отбрасывал желтый круг на её бледное лицо.

— Пришел? — не поднимая глаз от страницы, спросила она.

Этот её тон... Будто я — провинившийся первоклассник, который опоздал на урок.

— Пришел, — я специально гроыхнул ключами, бросая

их на комод. — Пришел за вещами. Ты же этого хотела? Чтобы я исчез?

Она медленно закрыла книгу. Закладка легла ровно между страниц. Идеально, мать её, ровно.

— Я хотела, чтобы ты был мужчиной, Анатолий. Но ты выбрал быть... — она замолчала, подбирая слово, и это секундное замешательство выдало её. Она была в бешенстве, просто прятала его под этой своей ледяной коркой. — Впрочем, неважно. Собирайся.

— Ах, неважно?! — я сорвался на крик. Тишина квартиры звенела, и мой голос казался в ней чужим, ломаным. — Тебе всегда было на всё плевать, кроме своих правил! Ты меня за человека не считала! Я для тебя был просто дополнением к интерьеру! Мебелью! Принеси, подай, почини розетку! А ты хоть раз спросила, чего ХОЧУ Я?!

Я ворвался в спальню и распахнул шкаф. Вешалки заскрипели под моими руками. Я хватал рубашки, брюки, свитера и просто комками швырял их в огромную спортивную сумку. Мне хотелось разрушить этот порядок. Мне хотелось, чтобы она увидела хаос, который сама же и создала своей холодностью.

Аглая появилась в дверном проеме. Стояла, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди.

— Ты кричишь, потому что тебе стыдно, — спокойно констатировала она. — Это защитная реакция. Ты пытаешься сделать меня виноватой.

— Стыдно? Мне?! — я чуть не поперхнулся от собственного хохота, но смех вышел каким-то сухим и надтреснутым. — Да мне вздохнуть наконец-то удалось, Аглая! Ты хоть понимаешь, что в этом доме даже воздух по ГОСТу? Ты же не живешь, ты функционируешь. И от меня того же требовала.

Я схватил с полки стопку своих джинсов — тех самых, которые она всегда заставляла складывать по швам — и, не глядя, запихнул в сумку. Сумка не застегивалась, молния заедала, и это бесило меня еще больше.

— Я хотел нормальную бабу рядом, — я выпрямился, тяжело дыша и глядя ей прямо в глаза. — Которая умеет смеяться, а не только поправлять очки с таким видом, будто делает одолжение всему человечеству. Рената... она живая. Она на меня смотрит как на бога, а не как на дефектную деталь в твоём идеальном механизме.

Аглая даже не шелохнулась. Ни один мускул не дрогнул на её лице, только костяшки пальцев, сцепленных на груди, чуть побелели.

— Она смотрит на тебя как на того, кто может купить ей новый телефон, Анатолий, — её голос был тихим, но в этой тишине он резал лучше скальпеля. — И ты это знаешь. Просто тебе удобнее верить в «божественное обожание».

— Да пошла ты! — я дернул молнию сумки так, что она наконец поддалась, с хрустом прокусив ткань одного из свитеров. — Ты всегда считала себя умнее всех. Великий педагог! А на деле — просто сухарь в футляре. Двадцать лет

я пытался до тебя достучаться, а натыкался на параграфы учебника.

Я прошел мимо неё в прихожую, задевая плечом. Специально. Чтобы она почувствовала мою силу, мою ярость. Но она только чуть пошатнулась, сохранив эту свою проклятую, нечеловеческую устойчивость.

Я начал обуваться, с силой затягивая шнурки. На полу остались грязные разводы от моих ботинок — прямо на том месте, которое она вчера полировала с каким-то фанатичным блеском в глазах.

Квартира... Глядя на эти стены, я вдруг почувствовал приступ острой, почти физической тошноты. Всё здесь было её. Бабушкино наследство, её репетиторские копейки, вложенные в этот дурацкий «евроремонт» десятилетней давности. Я здесь всегда был на птичьих правах, «принеси-подай», «прибей полку и не наследиди».

— Ключи на комод, — бросила она мне в спину.

Я обернулся. Она стояла в дверном проеме, такая же прямая, такая же безупречная. Даже сейчас, когда её мир должен был лежать в руинах, она не позволила себе ни единого жеста отчаяния.

— Забирай свои ключи, — я вытащил связку из кармана и швырнул их на тумбочку. Металл звякнул о дерево, оставив, как мне показалось, глубокую царапину. — Подавись своей крепостью. Посмотрим, кто тебе теперь краны чинить будет и розетки менять. Сдохнешь здесь в своей идеальной чисто-

те, заваленная тетрадками.

Я подхватил тяжелую сумку, которая больно ударила меня по бедру. Вторую сумку, со своим инструментом — единственным, что в этом доме было по-настоящему моим — я перекинул через другое плечо.

— Ты пожалеешь, Аглая, — сказал я, уже взявшись за дверную ручку. — Через неделю взвоешь. Будешь звонить, просить, чтобы вернулся. А я еще подумаю. Рената меня ждет. У неё в квартире тепло, а не как в твоём холодильнике.

Она ничего не ответила. Просто смотрела сквозь меня, как смотрят на пустое место.

Я вышел на лестничную клетку и с силой, вложив в это движение всю свою обиду за последние двадцать лет, хлопнул дверью. Грохот разнесся по всему подъезду, кажется, даже где-то наверху гавкнула собака.

Всё. Свободен.

На улице было зябко. Ветер швырнул мне в лицо горсть колючих капель. Я бросил сумки в багажник своего «Ниссана», сел за руль и несколько минут просто сидел, глядя на темные окна нашей... нет, уже ЕЁ квартиры.

Щека горела. Я посмотрел в зеркало заднего вида — порез выглядел паршиво, кровь размазалась по скуле. Ничего, Рената обработает. Рената пожалеет.

Я достал телефон и набрал её номер. Она ответила после третьего гудка, голос был заплаканный, тонкий.

— Толик... это ты? Мне так страшно, она меня уничто-

жит... Она же завуч, она меня из профессии выкинет...

— Тише, детка, тише, — я постарался придать голосу максимум уверенности, хотя внутри всё еще подрагивало. — Я ушел. Навсегда. Никто тебя не тронет, я рядом. Сейчас приеду.

Я нажал на газ, и машина сорвалась с места.

Уезжая со двора, я чувствовал себя героем фильма, который уходит в закат, оставив позади скучную, серую жизнь. Я был уверен — я наказываю её. Наказываю своим отсутствием, своим мужским презрением.

Пусть посидит одна. Пусть поймет, что её правила не стоят и ломаного гроша, когда рядом нет мужика, который терпит все её капризы. Через неделю она сломается. Приползет. Будет рыдать в трубку: «Толя, вернись, я всё прощу».

А я выставлю условия. Никакого шпината. Никаких нотаций. И Рената... Рената останется в моей жизни. Аглае придется с этим смириться, если она хочет, чтобы в этом доме снова был муж.

Я улыбнулся своему отражению в зеркале, не замечая, как из пореза на щеке снова потекла тонкая струйка крови, пачкая воротник рубашки, пахнувшей чужой ванилью.

Я имел право на это счастье. И я его взял.

Глава 5

Щелчок замка прозвучал так окончательно, будто в старом склепе задвинули каменную плиту. Я стояла в прихожей, не снимая туфель, и слушала, как затихают шаги Анатолия на лестничной клетке. Грохот захлопнутой двери всё еще вибрировал в воздухе, заставляя хрустальные подвески на люстре едва заметно позвякивать.

Пятнадцать секунд. Ровно столько мне понадобилось, чтобы осознать: в этой квартире больше нет чужого дыхания.

Я не упала на колени. Не закрыла лицо руками. Я медленно перевела взгляд вниз. Там, на светло-бежевом ламинате, который я каждое воскресенье натирала до зеркального блеска, темнели уродливые, влажные разводы. Грязь от его ботинок. Анатолий всегда пренебрегал ковриком у двери, считая мои требования «стерильности» блажью. Теперь эта грязь выглядела как личное оскорбление. Как плевок на всё то, что я считала домом.

Я прошла на кухню, набрала в ведро ледяной воды и щедро плеснула туда хлорки. Запах химии мгновенно ударил в нос, выжигая из памяти липкую, удушливую сладость ванили, которая преследовала меня весь вечер.

Встала на четвереньки. Резкими, короткими движениями я принялась тереть пол. Раз за разом, сдирая не только грязь, но и саму мысль о том, что этот человек топтал здесь поло-

вицы двадцать лет. Кожу на руках начало щипать от концентрата, но я не останавливалась, пока ламинат не закрипел под тряпкой. Трижды я меняла воду. Когда ведро в последний раз наполнилось чистой, прозрачной жидкостью, я почувствовала, что могу дышать.

Квартира бабушки. Моя сталинка. Мои высокие потолки и толстые стены. Теперь они снова принадлежали только мне. Предательство Анатолия было подобно инфекции, а я сейчас проводила радикальную дезинфекцию.

Закончив с полом, я села на кухне прямо на табурет, не включая свет. Единственным источником освещения был экран смартфона. Я долго смотрела на заблокированный дисплей, прежде чем решиться.

Уведомления посыпались лавиной.

Учительский чат «Гимназия-Life» горел красным. Семьдесят три сообщения. Я пролистала их вверх, чувствуя, как внутри всё каменеет.

«Девочки, а кто-нибудь видел, куда Рената Лобанова так летела? Прямо с юбилея, вся растрепанная...» — это писала молоденькая историчка Маша.

«А Анатолий Борисович? Сказали, с аппаратурой проблемы, но его и след простыл» — влезла математичка Инна.

И финальный аккорд от Лидии Пуфиковой: «Ой, да мало ли какие дела у молодых. Аглая Сергеевна тоже рано ушла,

наверное, голова разболелась. Праздник-то какой нервный выдался... Хотя вазу в лаборантской жалко. Хрусталь-то старый был, богемский».

Они знали. Не всё, но достаточно, чтобы начать точить свои маленькие, острые зубки. В школе, где каждый вдох регламентирован, любой скандал становится кислородом. Лидия не просто намекала, она расставляла флажки. Она видела меня в коридоре, видела мой взгляд, и теперь, как опытный стервятник, кружила над местом крушения.

Я не ответила. Не вышла из чата. Я просто заблокировала звук и отложила телефон на край стола. Мои пальцы, пахнущие хлоркой, мелко дрожали.

Нужно было поспать. Завтра — понедельник. Расписание, замены, отчеты по юбилею. Школа не остановится из-за того, что у завуча Вернадской муж оказался обычным кобелем.

Я зашла в спальню и остановилась на пороге. Большая кровать, застеленная покрывалом из плотного жаккарда, выглядела как место преступления. На тумбочке Анатолия лежала забытая зарядка для телефона. Черный провод извивался на полированном дереве, как дохлая змея.

Я подошла, взяла этот провод двумя пальцами и, не глядя, швырнула в мусорное ведро под столом. Туда же отправилась старая газета, которую он не дочитал, и пустая упаковка от таблеток «для желудка».

Лечь в эту кровать я не смогла. Сама мысль о том, чтобы лечь на простыни, которые еще хранили запах его тела,

вызывала у меня приступ тошноты. Я развернулась и ушла в маленькую комнату — мой бывший кабинет, который мы когда-то планировали переделать в детскую, но так и оставили заваленным книгами и старыми папками.

Там стоял узкий диван, обитый жестким гобеленом. Я достала из шкафа свежее байковое одеяло — оно пахло только шкафом и лавандовым саше — и легла прямо в домашнем халате.

Сна не было. Было только гулкое, тяжелое биение сердца в ушах. Я смотрела на прямоугольник окна, через который пробивался холодный свет уличного фонаря. Пылинки танцевали в этом луче, абсолютно равнодушные к тому, что мой мир только что прекратил свое существование.

Двадцать лет. Семь тысяч триста дней. Сотни общих завтраков, споров о цвете обоев, планов на отпуск, совместных походов в гости. Всё это оказалось фальшивкой. Декорацией, за которой Анатолий устраивал себе «жизнь поинтереснее». Всю ночь я разбирала наше прошлое по косточкам, как сложный синтаксический разбор, и везде находила ошибки. Там промолчала, здесь не заметила, тут оправдала.

Когда небо за окном начало сереть, приобретая оттенок грязного асфальта, я поняла, что больше не могу лежать. Тело ныло от жесткого дивана, но эта физическая боль была мне необходима — она давала точку опоры.

В шесть утра я была уже в ванной.

Я посмотрела на себя в зеркало безжалостно. Бледная ко-

жа, глаза, обведенные темными кругами, губы, сжатые в тонкую, почти невидимую линию. На меня смотрела женщина, которая потерпела крах. Но никто — слышите, никто! — в этой гимназии не должен был увидеть её сегодня.

Я включила ледяную воду. Умывалась долго, до тех пор, пока кожа не начала гореть. Потом достала косметичку.

Это была не просто косметика. Это был мой боевой грим. Я накладывала плотный тональный крем, скрывая следы бессонницы. Тщательно растушевывала консилер. Мои руки работали уверенно, как у хирурга. Четкие, острые стрелки — взгляд должен быть таким, чтобы у любого прогульщика подкашивались ноги. Матовая помада холодного бежевого оттенка. Лицо превращалось в маску. Непроницаемую. Безупречную.

Я подошла к шкафу и выбрала темно-синий костюм-двойку. Тяжелая, качественная шерсть. Пиджак с жесткими плечами — мои личные латы. Под него — ослепительно белая блузка, застегнутая на все пуговицы. Воротничок должен резать горло, не позволяя расслабиться ни на секунду.

Самым сложным был пучок. Я зачесала волосы назад так туго, что кожа на висках натянулась, приподнимая уголки глаз. Шпилька за шпилькой. Металл охлаждал кожу головы. Пять шпилек — и «Железная Вернадская» была готова к выходу.

Я вышла из дома в семь двадцать. Воздух на улице был колючим, пахло гарью и сыростью. Гимназия встретила меня

привычным шумом: технички возили швабрами по вестибюлю, охранник Валера пил кофе из пластикового стаканчика.

— Доброе утро, Аглая Сергеевна! — он кивнул мне, но я заметила, как его взгляд задержался на моем лице на долю секунды дольше обычного. — С праздником прошедшим!

— Доброе утро, Валерий. Работаем в обычном режиме, — отрезала я и прошла к лестнице. Мои каблуки чеканили шаг: цок, цок, цок. Громко. Уверенно.

Я знала, что сейчас происходит в учительской. Знала, что они уже выпили по первой чашке чая и успели обсосать все подробности моего вчерашнего исчезновения. Лидия Пуфикова, наверняка, уже соткала целую сеть из догадок и полупонамек.

Я подошла к дверям учительской. На мгновение я замерла, положив руку на холодную латунную ручку. Сердце сделало кульбит и затихло. Вдох. Выдох.

Я распахнула дверь и вошла.

Тишина наступила мгновенно. Это была та самая «вакуумная» тишина, когда десятки людей разом перестают дышать. Инна Марковна, учитель математики, замерла с чайной ложкой в руке. Маша-историчка густо покраснела и уткнулась в журнал. Лидия Пуфикова, восседавшая на своем привычном месте у окна, медленно опустила чашку. В её глазах я увидела жадное, плотоядное ожидание.

Я не стала прятать взгляд. Напротив, я обвела помещение медленным, тяжелым взором завуча.

— Доброе утро, коллеги, — мой голос был идеально поставлен. Никакой дрожи. Только металл.

Я прошла к своей полке, положила сумку. В помещении было слышно только шорох одежды и тиканье настенных часов. Я чувствовала, как их взгляды ощупывают мою спину, ищут изъясн, ищут следы вчерашних слез. Но их не было. Мой костюм был идеален, мой пучок не растрепался ни на миллиметр.

Я подошла к кофемашине. Спокойно насыпала зерна, дождалась, пока польется темная струйка. Аромат кофе начал вытеснять липкое напряжение из воздуха.

— Аглая Сергеевна, — медовым голосом пропела Лидия, — мы тут как раз обсуждали... Такой чудесный юбилей был! Жаль, вы так рано ушли. Мы вас искали-искали, хотели тост поднять за главного организатора. И Анатолий Борисович ваш так внезапно испарился...

Она сделала паузу, приглашая меня к оправданиям. Учительская замерла. Все ждали, что я скажу.

Я медленно повернулась к ней, держа в руках горячую чашку.

— Юбилей прошел успешно, Лидия Николаевна. Отчеты по мероприятию жду от всех руководителей секций к обеду. Протоколы должны быть безупречными.

Я отпила глоток обжигающего кофе. Пуфикова прищурилась, её ноздри хищно раздулись.

— А Рената? — не унималась она. — Лобанова наша. Бед-

ная девочка сегодня не вышла. Сказали, прислала смс, что заболела. Прямо внезапно так! Мы уж волнуемся — может, вчера в лаборантской просквозило? Там же окна старые...

Я поставила чашку на стол. Звук фарфора о дерево прозвучал как выстрел.

— Рената Лобанова в гимназии больше не работает, — сказала я, глядя прямо в маленькие глазки Лидии. — Она уволена по собственному желанию с сегодняшнего числа. Списки по замене её часов уже у директора на подписи.

Я сделала паузу, давая информации впитаться в их умы. Маша-историчка тихо ахнула. Пуфикова побледнела — она явно не ожидала такой скорости.

— У кого-то еще есть вопросы по расписанию? — я снова обвела зал взглядом. — Нет? В таком случае, коллеги, звонок через пять минут. Работаем.

Я развернулась и вышла из учительской, не оборачиваясь. Только оказавшись в коридоре, я позволила себе закрыть глаза на секунду. Руки подрагивали, а внутри всё горело от напряжения. Но я сделала это. Я зашла в клетку с тиграми и вышла оттуда победителем.

Броня выдержала. Пока что.

Я направилась к кабинету директора, зная, что впереди меня ждет разговор гораздо сложнее, чем перепалка с Пуфиковой. Но дороги назад не было. Аглая Вернадская начала свою собственную работу над ошибками. И первой ошибкой, которую предстояло исправить, была я сама.

Глава 6

Запах вчерашнего торжества в кабинете директора перемешивался с ароматом свежесваренного кофе и чем-то неуловимо кислым — так пахнет страх за собственное кресло. Виктор Павлович не смотрел мне в глаза. Он увлеченно разглядывал золоченую фигурку Фемиды на своем массивном столе, словно пытался разгадать, почему у богини правосудия завязаны глаза.

— Аглая Сергеевна, вы же понимаете... — он сделал неопределенный жест пухлой ладонью, на которой тускло блеснул перстень. — Гимназия — это прежде всего репутация. Мы — бренд. Мы — элита.

Я сидела на самом краю кожаного кресла, выпрямив спину так, что позвоночник превратился в стальной стержень. Мой темно-синий пиджак казался мне сейчас не одеждой, а бронежилетом.

— Репутация гимназии не пострадала от качества проведения юбилея, Виктор Павлович. Отчеты в идеальном порядке.

Директор наконец поднял взгляд. В его глазах не было сочувствия. Там была досада — такая бывает у хозяина дорогого ресторана, когда один из официантов внезапно роняет поднос с перемешанными сплетнями прямо на глазах у критиков.

— Отчеты — да. Но родительские чаты... — он поморщился, как от зубной боли. — Они гудят, Аглая Сергеевна. Вы же знаете наших мамочек из Попечительского совета. Им только дай повод. Лаборантская, разбитый хрусталь, технический специалист, который бесследно исчез... и эта девочка, Лобанова.

Он замолчал, многозначительно постукивая пальцами по столешнице.

— Я уволила её по собственному желанию. Сегодня в восемь утра.

— И это правильно, — кивнул он. — Но вы — завуч. Вы — лицо гимназии. И это лицо сейчас... как бы это помягче сказать... слишком сильно подсвечено софитами ненужного внимания. Анатолий — ваш муж. Был им двадцать лет. Это бросает тень на вашу способность контролировать ситуацию не только дома, но и в коллективе.

Я почувствовала, как под белой блузкой по телу поползли мурашки. Не от холода — от ледяного, дистиллированного цинизма, исходящего от человека, которого я считала своим соратником.

— К чему вы клоните, Виктор Павлович?

— Вам нужно уйти в тень. На время. Пока всё не уляжется. 11 «А» — это дети очень серьезных людей. Родители просят... деликатности. Мы решили передать кураторство выпускного класса Инне Марковне.

Удар под дых. Мой класс. Мои отличники, которых я вела

к золотым медалям, выстраивая их судьбы по линейке. У меня забрали мой главный проект, мою гордость.

— А я? — мой голос остался ровным, хотя внутри всё кричало от несправедливости. — Мне уволиться?

— Ну что вы, Аглая Сергеевна! Зачем такие крайности? Вы ценный кадр. Но нам нужно... — он снова замялся, подбирая эвфемизм для слова «ссылка». — Нам нужно навести порядок там, куда никто не хочет соваться. У нас освободилось место куратора в 9 «Г».

Я непроизвольно сжала ручку своей сумки. 9 «Г». Гетто. Отстойник. Класс, собранный из тех, кого нельзя исключить из-за связей родителей, но кому не место в приличном обществе гимназистов. Там не было олимпиадников. Там были трудные подростки, второгодники и те, на ком педагогический состав давно поставил крест.

— Это издевательство, Виктор Павлович.

— Это производственная необходимость, — отрезал он, и его голос мгновенно утратил мягкость. — Либо вы берете 9 «Г» и доказываете свою профпригодность в кризисной ситуации, либо... я не смогу защитить вас перед советом. Сами понимаете, аморальное поведение супруга на рабочем месте — это пятно на всей администрации.

Я встала. Медленно, сохраняя ту самую осанку, которая заставляла учеников затихать в коридорах.

— Я поняла вас. Списки класса и ключи от кабинета.

— Они в учительской, — он явно испытал облегчение,

поняв, что я не буду устраивать сцену. — Аглая Сергеевна, поверьте, это для вашего же блага. Переждите бурю.

Я вышла из кабинета, не прощаясь. Дверь закрылась за моей спиной с мягким, дорогим щелчком.

Путь во второй блок, где располагались «ссылные» классы, пролегал через всю гимназию. Я шла, и мне казалось, что стены, увешанные портретами великих ученых, смотрят на меня с осуждением. Коридоры в этом крыле были другими. Здесь не было ковровых дорожек. Плитка на полу местами треснула, а освещение было тусклым, словно администрация сэкономила на свете там, где не бывали высокие гости.

Чем ближе я подходила к кабинету №14, тем громче становился гул. Это не был шум учебного процесса. Это был хаос. Тяжелые басы, доносящиеся из чьей-то колонки, выкрики, смех, который больше напоминал лай.

Я остановилась перед дверью. На ней кто-то жирным маркером пририсовал к цифре «9» хвост, превратив её в подобие змеи. Я положила руку на ручку. Холодный металл отозвался привычной дрожью. Броня. Мне нужна была броня толщиной в метр.

Я распахнула дверь.

Шум не смолк сразу. Он затихал постепенно, словно волна, наткнувшаяся на ледяной берег.

Кабинет встретил меня запахом дешевых энергетиков, сладковатым паром от вейпов и тем специфическим ароматом подросткового бунта, который невозможно выветрить.

На задних партах сидели ребята, чьи позы выражали крайнюю степень пренебрежения к школьной форме. Кто-то сидел на столе, кто-то полулежал на стуле.

Я прошла к учительскому столу, не глядя по сторонам. Положила журнал. Гулко, так, чтобы звук удара дерева о дерево заставил их вздрогнуть.

— Доброе утро. Садитесь.

На меня смотрели десятки пар глаз. В них не было страха. Было любопытство — такое бывает у зрителей на гладиаторских боях, когда на арену выходит новый смертник.

Мой взгляд зацепился за фигуру на последней парте у окна. Берт Левацкий. Я знала его по сводкам с педсоветов. Главная головная боль гимназии. Сын какого-то местного предпринимателя, вдовец, который, по слухам, не справлялся с отпрыском.

Берт не сидел — он царил. Откинувшись на спинку стула, закинув ноги на соседнюю парту, он рассматривал меня с какой-то ленивой, хищной проницательностью. На нем была белая рубашка, но рукава были закатаны до локтей, обнажая жилистые предплечья и темную вязь татуировки, которая дерзко выглядывала из-под манжета. Его лицо было слишком взрослым для девятого класса. Резкие черты, прямой нос и глаза цвета холодного сланца.

— Ого, — раздался чей-то голос с передней парты. Это был тощий паренек в очках, «шестерка» при жожаке. — К нам прислали тяжелую артиллерию. Аглая Сергеевна, а за

что это вас так? Неужели в элитном блоке места кончились?

По классу прокатился смешок.

Я открыла журнал, игнорируя выпад.

— Переключка. Антонов.

— Здесь, — лениво отозвался очкарик.

Я называла фамилии, чувствуя, как внутри натягивается струна. Они прощупывали меня. Искали щель в доспехах. Берт молчал, продолжая сверлить меня взглядом.

— Левацкий.

Он не ответил сразу. Выдержал паузу, заставляя весь класс затаить дыхание.

— Здесь, — наконец произнес он. Голос у него был низкий, с хрипотцой, совсем не подростковый. — А вы, Аглая Сергеевна, кажется, дверью ошиблись. У нас тут не поют ди-фирамбы министерству. У нас тут... жизнь.

— Жизнь, Альберт, — я специально назвала его полным именем, — требует дисциплины. Без неё жизнь превращается в свалку. А я не привыкла работать на свалке. Снимите ноги с мебели.

Класс замер. Это был вызов. Прямой и резкий.

Берт медленно, очень медленно снял ноги со стула. Его движения были плавными, почти кошачьими. Он наклонился вперед, опираясь локтями о парту, и в его взгляде мелькнуло что-то пугающее. Знание. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь — и мой утренний макияж-маску, и мой страх, и тот позор, который я пыталась скрыть за безупреч-

НЫМ синим пиджаком.

— Порядок — это важно, — согласился он, и в его голосе послышался издевательский свист. — Только вот порядок — штука хрупкая. Как хрусталь. Чуть зазеваешься — и вдребезги. Да, Аглая Сергеевна?

Я почувствовала, как пальцы, сжимающие ручку, онемели. Он знал. Вся эта банда знала. Сплетни в школе распространяются быстрее, чем лесной пожар.

— Мы начинаем урок, — отчеканила я, поворачиваясь к доске. — Тема: «Классицизм в литературе. Иерархия и правила».

Я начала писать на доске, стараясь, чтобы мел не дрожал. Я чувствовала их взгляды в свою спину. Липкие, насмешливые. Но хуже всего был взгляд Берта. Он жег кожу между лопатками.

— Правила — это скучно, — раздался его голос, когда я закончила писать заголовок. — Особенно когда те, кто их пишет, сами не могут им следовать.

Я развернулась.

— Левацкий, если вам есть что сказать по теме урока — прошу. Если нет — закройте рот и откройте тетрадь.

Берт усмехнулся. Эта ухмылка была старше его самого. В ней было столько горького опыта и цинизма, что мне на мгновение стало не по себе.

— А я по теме, — он встал. Оказалось, что он выше меня почти на голову. Широкие плечи, уверенная посадка головы.

— Вы нас учите, что всё должно быть правильно. По иерархии. Жена — дома, муж — при деле. А если муж решает, что правила — для слабаков? Что иерархия — это клетка?

— Альберт, сядьте.

— Я просто спросить хотел, — он сделал шаг из-за парты, и класс мгновенно затих. Даже басы в колонке чьей-то сумки замолкли. — Аглая Сергеевна, а вот вы такая правильная. Всегда в пучке, всегда по госту. Вы мужу тоже оценки в дневник ставили? Проверяли, чисто ли у него за ушами и выучил ли он параграф о верности?

— Левацкий! — мой голос сорвался на крик, чего я не позволяла себе годами.

Но его уже было не остановить. Он почувствовал мою слабость. Почувствовал кровь.

— Наверное, ставили, — продолжал он, и его голос разносился по классу, как приговор. — Только вот оценки ваши ему, видать, до лампочки были. Мужик-то от вас сбежал, сверкая пятками. К этой... как её... англичанке? Говорят, она оценки не ставит. Она просто... дает дышать. Так может, проблема не в нас, а в вашей дисциплине? Может, от неё все живоедохнет, Аглая Сергеевна?

Я стояла перед ним, и мир вокруг меня начал медленно сереть. Лица учеников превратились в размытые пятна, остались только Берт — его дерзкий оскал и холодные глаза.

— Вон из класса, — прошептала я. — Вон.

— Да без проблем, — Берт подхватил свой рюкзак, заки-

нув его на одно плечо. — Здесь и так дышать нечем. Слишком много... формалина.

Он прошел мимо меня, обдав запахом чего-то острого и мужского — совсем не детского. У самой двери он остановился и обернулся.

— И шпильки свои ослабьте, Аглая Сергеевна. А то мозг пережмет, совсем в робота превратитесь. Хотя... кажется, уже поздно.

Дверь захлопнулась с таким грохотом, что со стены упал портрет Ломоносова.

Я осталась стоять перед притихшим, замершим в ожидании расправы классом. Моя броня не просто дала трещину. Она рассыпалась, обнажая всё то, что я так тщательно прятала: боль, унижение и оглушительное, черное одиночество.

Я медленно опустила руки на стол. Мои пальцы коснулись классного журнала. 9 «Г». Моя ссылка. Мой ад. И мой первый настоящий враг, который оказался ребенком с глазами мудрого зверя.

— Продолжаем урок, — сказала я, и мой голос, к моему удивлению, не дрогнул. Но в этом голосе больше не было металла. В нем была только ледяная, мертвая пустота.

Глава 7

Личное дело Альберта Левацкого жгло мне пальцы, хотя это была всего лишь папка из дешевого картона с пожелтевшими краями. Я перечитывала скучные анкетные данные в десятый раз, пытаясь найти в них зацепку, оправдание для той ярости, что кипела во мне со вчерашнего урока.

Вторник, семнадцатое сентября. В коридорах гимназии было непривычно тихо — шел шестой урок. Я сидела в своем кабинете, маленьком и тесном, где пахло старой бумагой и пересохшим клеем. Мой новый «офис» завуча 9 «Г» был далеко от парадного крыла, и это только подчеркивало глупость моего падения.

Я поправила манжеты темно-синего пиджака. Пуговицы застегнуты до самого подбородка. Броня. Сегодня мне нужно было не просто провести беседу с родителем, мне нужно было стереть в порошок ту дерзость, которую позволил себе его сын. Берт ударил по самому больному, вскрыл мой нарыв перед всем классом, и я знала: если я не задавлю этот бунт в зародыше, «гетто» сожрет меня за неделю.

Я представляла себе этого Левацкого-старшего. В моем воображении рисовался типичный отец трудного подростка: помятый мужчина средних лет, пахнущий дешевым табаком и оправданиями. Он будет либо заискивать, либо хамить, пытаясь скрыть собственное бессилие. Я уже пригото-

вила фразы о «непедагогической запущенности» и «необходимости постановки на учет в КДН».

Резкий, короткий стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Это не был робкий стук просителя. Так стучат те, кто привык открывать двери ногой.

— Войдите, — выдохнула я, мгновенно принимая позу сурового судьи.

Дверь распахнулась, и в кабинет буквально ворвался холодный уличный воздух вместе с человеком, который никак не вписывался в мои заготовки.

Он не вошел — он заполнил собой всё пространство. Огромный, широкоплечий, в потертой куртке из плотного хлопка цвета хаки. Из-под куртки виднелась простая серая футболка, обтягивающая мощную грудь. Он был похож на медведя, который случайно забрел в кукольный домик.

Я замерла. Это не был маргинал.

Густая, аккуратно подстриженная борода с проседью, резкие черты лица и глаза... Цвет холодного сланца, пронзительные и пугающе умные. От него пахло свежей древесной стружкой, кожей и дорогим трубочным табаком. Совершенно не школьный запах.

— Левацкий? — я выдавила это слово, чувствуя, как моя «броня» начинает казаться мне картонной.

— Вольф, — поправил он низким, вибрирующим басом. — Владимир по паспорту, но для тех, кто хочет сэкономить время — Вольф. А вы, стало быть, та самая «Железная Вер-

надская», которая решила, что мой сын — главная проблема мироздания?

Он не дождался приглашения и сел на стул напротив моего стола. Стул под ним жалобно скрипнул. Он не развалился, как его сын, но его поза излучала такую уверенную силу, что я невольно прижалась спиной к спинке своего кресла.

— Я пригласила вас, чтобы обсудить поведение Альберта, — я попыталась вернуть себе менторский тон, но голос предательски дрогнул. — То, что он позволяет себе на уроках...

— Послушайте, Аглая Сергеевна, — он перебил меня, и его голос был похож на рокот далекого грома. — Давайте пропустим часть про «облик ученика» и «правила гимназии». Я строю мебель. Настоящую, из дуба и ясеня. Я знаю, что такое гнилое дерево. Мой сын — не гнилой. Он сложный, ершистый, иногда невыносимый, но он — не дрянь. И если он вчера что-то выдал, значит, у него была причина.

Я вспыхнула. Обида, которую я старательно запихивала вглубь себя с вчерашнего дня, обожгла горло.

— Причина?! Он публично оскорбил учителя! Он затрол мою... мою личную жизнь перед всем классом! Это недопустимо, Владимир... Вольф. Это требует немедленных дисциплинарных мер. Ваш сын — вожак в этом классе, и если он решил, что может безнаказанно топтать мою репутацию...

— Репутацию нельзя растоптать, если она не из папье-маше, — он смотрел на меня в упор, не мигая. Его руки, огром-

ные, с натруженными ладонями и аккуратно подстриженными ногтями, спокойно лежали на коленях. — Берт сказал мне, что произошло. Он сказал, что вы пытались учить их дисциплине, используя свой брак как пример высшего порядка. А потом выяснилось, что ваш порядок рассыпался от одного взмаха юбки практикантки.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Кабинет поплыл перед глазами. Откуда он... Неужели этот подросток рассказал отцу всё до мельчайших подробностей?

— Моя личная жизнь не касается учебного процесса! — я почти выкрикнула это, теряя контроль. — И ваша фамилия... Левацкие. Это ведь немецкие корни? Дед был из поволжских немцев?

Он чуть прищурился, оценив мою попытку сменить тему.

— Да. Семья из тех, кто привык выживать в любых условиях и называть вещи своими именами. Поэтому и Альберт. Имя должно иметь вес. И фамилия — тоже. Мы не любим пустых слов и пустых людей, Аглая Сергеевна.

— Видимо, пустые слова вы путаете с элементарным воспитанием, — я постаралась взять себя в руки. — В Гимназии №5 есть устав. Есть этика. Если Альберт не готов им следовать, возможно, ему стоит поискать другое учебное заведение. Попроще. Где его «честность» оценят по достоинству в подворотне.

Вольф вдруг усмехнулся. Это не была добрая улыбка. Это был оскал зверя, который видит, как добыча пытается уку-

силь его за лапу.

— Вы сейчас пытаетесь выгнать единственного человека в этом классе, который заставляет вас чувствовать себя живой, а не накрахмаленным манекеном? — он встал. Медленно, угрожающе. — Берт провоцирует вас, потому что видит за вашим пучком и застегнутым воротничком страх. Глубокий, женский страх.

Я тоже встала. Между нами было меньше метра пространства, заполненного запахом его куртки и моим гневом.

— Вы переходите границы, господин Левацкий. Я вызвала вас как законного представителя ученика, а не как психоаналитика-самоучку. Если вы не можете повлиять на сына, я буду ставить вопрос перед педсоветом об его исключении.

Вольф не шелохнулся. Он сделал один шаг в сторону, обходя мой стол. Он нарушил моё личное пространство так легко, будто его и не существовало. Я прижалась спиной к шкафу с личными делами, чувствуя, как холод картона просачивается сквозь пиджак.

Он наклонился ко мне. Слишком близко. Я видела каждую морщинку в уголках его глаз, чувствовала жар, исходящий от его тела. Он заблокировал мне путь, опершись рукой о шкаф прямо над моей головой.

— Мой сын сложный, — повторил он тихим, рокочущим шепотом, от которого у меня по позвоночнику пробежал электрический разряд. — Но он никогда не лжет. Это фамильная черта. Мы не тратим время на ложь, она слишком

дорого стоит.

Его взгляд приковал меня к месту. Я хотела оттолкнуть его, закричать, позвать охрану, но моё тело не слушалось. Я смотрела в эти сланцевые глаза и видела в них отражение своего собственного краха.

— А вот в ваших глазах, учитель, — он выделил это слово с легкой иронией, — столько лжи самой себе, что в ней утонуть можно. Вы ведь сами не верите ни в одно своё слово о «порядке» и «правилах». Вы просто построили себе клетку и боитесь, что если расстегнете хоть одну пуговицу — рассыплетесь в прах.

— Уходите, — прохрипела я. Сердце колотилось в горле, мешая говорить.

— Ухожу, — он отстранился так же внезапно, как и подошел. В кабинете сразу стало слишком просторно и холодно. — Но знайте: Берт не извинится. За правду не извиняются. А вам я бы посоветовал купить новые шпильки. Эти слишком сильно сдавливают вам голову. Мешают думать.

Он развернулся и вышел, не оглядываясь. Тяжелая дверь закрылась с гулким звуком, который, казалось, еще долго вибрировал в моих костях.

Я осталась стоять, вцепившись пальцами в край своего стола. Ноги дрожали. В воздухе всё еще висел его запах — запах дерева, табака и какой-то дикой, необузданной свободы.

Я посмотрела на личное дело Альберта Левацкого. И по-

няла, что теперь я боюсь не сына. Я боюсь отца. Потому что он сделал то, чего не смог сделать Анатолий за двадцать лет брака.

Он увидел меня. Настоящую. И это было страшнее любого развода.

Глава 8 (Анатолий)

от лица Анатолия

Солнце жарило прямо в глаза, беспардонно пробиваясь сквозь тонкую тюль, которую Рената называла «воздушным зефиром». В сталинке Аглаи на окнах всегда висели тяжелые портьеры — плотные, не пропускающие ни единого лишнего луча, пока я сам не решу проснуться. Здесь же, в этой однушке на двенадцатом этаже, утро наступало бесцеремонно, как коллектор.

Я натянул одеяло на голову, но оно пахло чем-то приторно-цветочным — то ли духами Ренаты, то ли её многочисленными кремами, которые занимали все поверхности в этой квартире. Прошла ровно неделя с того вечера, когда я захлопнул дверь за своей прошлой жизнью. Семь дней свободы. Семь дней «рая».

— Толик, за-а-ая, ты проснулся? — раздался из кухни её звонкий, как колокольчик, голос. Раньше этот звук заставлял мое сердце екать. Сегодня он вызвал лишь легкий спазм в висках.

Я выпутался из простыней и сел на край кровати. Матрас был слишком мягким, я за ночь словно провалился в яму, и теперь поясница ныла, напоминая, что мне уже не двадцать пять. Осмотрелся. На полу валялись вчерашние джинсы Ренаты, пустая коробка из-под пиццы и мои носки, которые я

так и не смог найти вчера вечером.

Кстати, о носках.

Я поднялся и подошел к огромному креслу-мешку, на которое Рената сваливала всё подряд. Начались раскопки. В доме Аглаи мои носки жили в верхнем ящике комода: скрученные парами, отсортированные по цветам — черные к черным, серые к серым. Здесь же они играли в прятки. Я выудил один синий, потом какой-то женский след с кружевом, затем — о чудо! — нашел свой, но второй бесследно исчез в недрах полиэстера.

— Рената, ты не видела мой второй серый носок? — крикнул я, натягивая рубашку. Рубашка была мягкая. Утюг в этом доме существовал как декоративный элемент — Рената «не дружила с техникой», кроме айфона.

— Ой, зайныка, посмотри под кроватью! Или в корзине с бельем! — она впорхнула в комнату, сияя свежестью. На ней была моя старая футболка, которая едва прикрывала её длинные, идеальные ноги.

В Гимназии Аглая всегда носила юбки до колена, и я забыл, как это выглядит, когда женщина не прячется за футляром. Я притянул Ренату к себе, вдыхая её аромат. Снова эта ваниль. Раньше она пьянила, а сейчас... сейчас от неё во рту становилось сладко до тошноты.

— Толик, слушай, мне тут надо... — она заглянула мне в глаза, накручивая на палец прядь своих осветленных волос. — В общем, я записалась на ноготочки. И реснички пора об-

новить, а то я совсем облезлая. Переведешь мне пять тысяч?

Я замер, не выпуская её из объятий. Пять тысяч. Третий раз за неделю.

— Ренат, я же позавчера давал тебе на «косметику», — осторожно заметил я. — И за квартиру надо платить, я ведь теперь у тебя... Нам бы поэкономнее.

Она мгновенно надула губы. Эта её манера — превращаться из феи в обиженного ребенка — поначалу казалась мне милой. Сейчас она вызывала глухое раздражение.

— Ты же говорил, что я твоя муза! — она высвободилась из моих рук. — Музы не могут ходить с облупленным лаком. Тебе что, жалко для меня? Аглая небось на свои проверки тетрадок больше тратила, а ты молчал.

— Аглая вообще не просила у меня денег на ногти, — ляпнул я, прежде чем успел подумать.

В комнате повисла тяжелая тишина. Рената округлила глаза, её личико пошло пятнами.

— Ну и иди к своей Аглае! — взвизгнула она. — Пусть она тебе свои сухие котлеты жарит! А я живая! Я — женщина, мне нужен уход!

Она хлопнула дверью в ванную, и через секунду оттуда донесся шум воды. Я стоял посреди этого хаоса в одном носке и чувствовал себя полным идиотом.

Завтракать пришлось в одиночестве. На столе стоял стакан с недопитым латте и какая-то подсохшая булка из пекарни. Рената не готовила. От слова «совсем». Максимум, на

что её хватало — это заказать доставку или залить хлопья молоком. В сталинке утро всегда пахло поджаренным хлебом, кофе и свежестью. Аглая вставала раньше, и к моему появлению на столе всегда ждал завтрак. Полезный, скучный, но горячий.

Я порылся в холодильнике. На полке сиротливо стояли патчи для глаз, баночка йогурта и кусок заветренного сыра. Всё. Желудок отозвался болезненным спазмом. Изжога, мой верный спутник последних семи дней, снова дала о себе знать.

На работу я ехал в отвратительном настроении. В автосервисе всё было по-прежнему: запах бензина, масла, мужики, мат. Но даже здесь я не чувствовал себя «в своей тарелке». Парни поглядывали на меня со смесью зависти и насмешки. «Ну что, Борисыч, как там молодая кровь? Не ухайдокала еще?» — ржал Васька-моторист.

Я отшучивался, но внутри скребли кошки.

В обед позвонила Лидия Пуфикова. Эта змея из учительской знала всё и про всех.

— Толечка, привет, дорогой, — пропела она в трубку. — Как ты там? Не забыл нас совсем в своем любовном гнездышке?

— Привет, Лидия Николаевна. Да как забудешь... Работаю вот.

— Ой, а у нас тут такие дела, — она понизила голос до таинственного шепота. — Аглаю-то нашу совсем припекло.

Директор её в 9 «Г» сослал, к самым отпетым. Видел бы ты её — бледная как моль, шпильки свои еще ту же затянула. Жалко бабу-то, двадцать лет душа в душу, и тут такое... Все судачат, Толик. Все на твоей стороне, конечно, понимаем — мужчине простор нужен. Но Аглая... она как робот. Ходит, молчит.

— Ей не привыкать, — буркнул я, хотя сердце предательски кольнуло. Ссылка в 9 «Г» — это был удар ниже пояса. Я знал, как Аглая дорожила своим статусом. — Она железная, Лид, не переживай.

— Ну-ну... Ладно, побежала я. Ты заходи как-нибудь, пирожков моих поешь, а то небось на подножном корму там сидишь у своей англичаночки.

Я повесил трубку. Пирожки. Господи, я бы сейчас душу продал за нормальный домашний пирожок с капустой. Или за тарелку супа.

Вечер встретил меня очередным сюрпризом. Рената, видимо, решила загладить утреннюю ссору. Когда я вошел в квартиру, она встретила меня в шелковом халатике, зажгла свечи (которые дико коптили) и с таинственным видом подвела к столу.

— Я приготовила ужин, зайчика! — она просияла, чмокнув меня в колючую щеку. — Сама!

На тарелке лежало что-то зеленое и подозрительно напоминающее тину. Рядом — россыпь каких-то мелких семечек.

— Это что? — осторожно спросил я, чувствуя, как желудок начинает жалобно скулить.

— Это семена чиа на кокосовом молоке и салат из рукколы с авокадо! — гордо объявила она. — Это детокс, Толик. Нам нужно очистить карму и организм. Это очень модно сейчас.

Я смотрел на эту «модную» еду и понимал, что если съем это, то карма моя, возможно, и очистится, но физическую оболочку я потеряю прямо здесь, у стола.

— Ренат... а мяса нет? Хоть кусочка? Или картошки?

— Мясо — это тяжелая энергия, — она надула губы. — Ты же хочешь быть молодым и бодрым? Давай, ешь, я так старалась!

Я ел. Жевательная резина рукколы застревала в зубах, семена чиа скользили по горлу, не оставляя никакого чувства сытости. Рената щебетала о каких-то блогерах, о новых трендах в макияже, а я смотрел на её движущиеся губы и понимал — я не слышу ни слова.

Потом был секс. И это было единственное, что в этой квартире всё еще работало на «отлично». В постели она была неутомимой, изобретательной, жадной. Она выжимала из меня все соки, заставляя забыть и об изжоге, и о носках, и о 9 «Г».

Но когда всё закончилось, и она мгновенно уснула, уткнувшись носом в плечо, на меня навалилась такая оглушительная пустота, что захотелось выть. В сталинке после

секса мы часто разговаривали. Ну, то есть, Аглая рассказывала о планах на неделю, о новых методичках, а я лежал, слушающая её ровный голос, и чувствовал себя дома. В безопасности. Здесь же я чувствовал себя в гостях. В очень дорогом и неудобном отеле, за который к тому же приходится платить втридорога.

Желудок скрутило спазмом. Чиа начали свою «очистку», но совсем не так, как обещала Рената. Есть хотелось невыносимо.

Я осторожно выбрался из-под одеяла, натянул те самые мятые джинсы и футболку.

— Ты куда? — пробормотала она, не открывая глаз.

— Проверю машину, — соврал я, нащупывая ключи. — Кажется, сигнализация глючит, пойду гляну.

— Угу... купи по дороге водички с лимоном... — она перевернулась на другой бок.

Я выскочил из подъезда, как из тюрьмы. Ночной воздух ударил в лицо свежестью. Я сел в свой «Ниссан», завел мотор и поехал. Я знал, куда еду.

Через два квартала, у круглосуточного супермаркета, ярко горела вывеска «Шаурма у дяди Гамлета». Обычно я презирал такие заведения — Аглая приучила меня к тому, что уличная еда — это кратчайший путь в инфекционку. Но сейчас мне было плевать.

— Друг, сделай самую большую. С двойным мясом. И чесночного соуса побольше, — я выложил деньги на прилавок,

чувствуя себя наркоманом, покупающим дозу.

Когда я получил в руки горячий, завернутый в фольгу сверток, у меня едва слюнки не потекли. Я сел обратно в машину, отогнал её в темный угол парковки и вгрызся в эту жирную, горячую еду.

Господи. Это был вкус жизни. Чесночный соус капал на руль, мясо было соленным и настоящим, а не кокосовым. Я ел так, будто не видел еды месяц.

И именно в этот момент, когда я дожевывал последний кусок, на меня накатило.

Я вспомнил кухню в сталинке. Вечер пятницы. Аглая в своем вечном фартуке достает из духовки противень с котлетами. Они пахнут чесноком, домашним уютом и... покоем. Она кладет мне две штуки, добавляет ложку пюре и говорит: «Толя, аккуратно, горячо».

Я посмотрел на свои руки — они были в жире от шаурмы. В салоне машины пахло чесноком и дешевым фастфудом.

«Господи, за что я так с собой... — подумал я, и горло вдруг перехватило. — Всего неделя, а я уже готов душу продать за тарелку её нормального супа. Или просто чтобы она посмотрела на меня и сказала, что я опять всё делаю не так».

Я выкинул пакет от шаурмы в урну, тщательно вытер руки влажной салфеткой и побрызгал в салоне освежителем. Нужно было возвращаться в «рай». В однушку к «музе», которая завтра снова попросит пять тысяч на ресницы и накопит меня травой.

Ничего. Я потерплю. Аглая не железная. Пройдет еще неделя, и она не выдержит. Она начнет звонить. Она пришлет смс: «Толя, сломался кран» или «Толя, нужно забрать вещи». И тогда я приду. Сделаю одолжение. Вернусь на своих условиях.

Я завел машину. В зеркале заднего вида отразилось мое лицо — усталое, с темными кругами под глазами.

— Потерпи, Борисыч, — прошептал я сам себе. — Она сама позовет. Не может она без тебя. Пропадет.

Я ехал обратно, а во рту всё еще стоял вкус чесночного соуса, который никак не желал превращаться в аромат ванили.

Глава 9

Десятый день моего личного конца света выдался особенно удушливым. Сентябрь в этом году вел себя как капризный старшеклассник: то обдавал ледяным ветром, то включал противоестественную жару, от которой асфальт начинал пахнуть пылью и несбывшимися надеждами.

Я вышла из здания гимназии, когда сумерки уже начали густеть, превращая город в нагромождение серых теней. Плечи ломило так, будто я весь день не отчеты проверяла, а таскала мешки с цементом. 9 «Г» выпил из меня всё, что не успели дососать коллеги в учительской. Берт Левацкий сегодня превзошел сам себя: он не хамил открыто, нет. Он просто смотрел. Весь урок он следил за каждым моим движением с той самой ленивой пронизательностью, от которой по коже пробегал мороз. В его взгляде читалось немое: «Ну что, Сергеевна, долго еще продержишься в своем футляре?».

Дорога к дому через сквер казалась бесконечной. Пятница. Город вибрировал от предвкушения отдыха. Мимо проходили пары, молодые и не очень, они смеялись, держались за руки, обсуждали, какой фильм посмотреть или какое вино открыть. Каждый такой звук колол меня под ребра. Я чувствовала себя инопланетянкой, заброшенной в мир, где всё еще существует понятие «мы».

Зашла в супермаркет на углу. Лампы дневного света здесь

гудели низко и раздражающе, выхватывая из толпы бледные, усталые лица. Я взяла корзину и замерла перед полкой с бакалеей. Моя рука на автомате потянулась к пачке печенья с кунжутом — Толя его обожал, мог уплести за один присест с литром молока. Я уже коснулась пальцами картона, когда реальность хлестнула по глазам.

Его здесь нет. И молока не будет. И хруста его челюстей за вечерним сериалом — тоже.

Я резко отдернула руку, будто пачка была раскалена. В корзину полетели: один йогурт, пачка обезжиренного творога и бутылка минералки. Набор «сильного и независимого» завуча, у которого в жизни осталась только идеальная орфография и холодная постель.

На кассе передо мной стояла девчонка в легком сарафане, не по сезону открытом. Она щебетала в трубку: «Зая, купи хлеба, я уже бегу домой, сделаю твои любимые горячие бутерброды». Я смотрела в её затылок и чувствовала, как внутри закипает что-то темное и горькое. Мне хотелось подойти и встряхнуть её. Сказать: «Дура, твой зая через двадцать лет вытрет об тебя ноги в лаборантской, и никакие бутерброды не помогут».

Конечно, я промолчала. Лицо — маска. Спина — струна. К подъезду я подошла, когда фонари уже зажглись. Моя сталинка смотрела на меня пустыми окнами. Квартира бабушки, моя крепость, которая за эти десять дней стала казаться мне склепом. Я поднялась на четвертый этаж, стара-

ясь не слушать, как в соседних квартирах гремят тарелки и слышатся приглушенные голоса телевизоров.

В прихожей пахло тишиной и моим парфюмом — горьким цитрусом. Запах ванили, который, казалось, въелся в стены после ухода Анатолия, наконец выветрился, но вместе с ним ушла и жизнь. Я не включала свет. Просто стояла в темноте, не снимая туфель, и слушала, как гудит кровь в ушах.

Нужно было выпить воды. Ком в горле, ставший моим вечным спутником, требовал влаги.

Я прошла на кухню, бросила сумку на стул и подошла к раковине. Старый смеситель встретил меня привычным капризным подрагиванием. Анатолий обещал «перебрать» его еще в марте. «Аглаш, ну не зуди, там просто прокладку сменить, завтра сделаю», — эта фраза звучала десятки раз. «Завтра» превратилось в полгода, а потом — в Ренату.

Я повернула рычаг. Кран издал странный, утробный звук, похожий на предсмертный хрип. Секунду ничего не происходило, а потом...

Громкий хлопок — и металлическая конструкция просто вылетела из гнезда под давлением. Струя горячей воды ударила в потолок, срикошетила от люстры и обрушилась на меня плотным, обжигающим водопадом.

— Нет... нет, нет, нет! — вскрикнула я, хватаясь за край раковины.

Вода била с неистовой силой. Кухня мгновенно наполни-

лась паром. Я попыталась поймать извивающийся шланг, но горячие брызги обожгли лицо. Одежда — мой безупречный костюм, моя броня — в считанные секунды превратилась в мокрую, тяжелую тряпку, липнущую к телу.

Я нырнула под раковину. Там, в темноте, среди банок с моющими средствами и старых тряпок, находились вентили. Мои пальцы впились в холодный металл крана.

— Давай же, сволочь! Проворачивайся!

Вентиль закис. За те годы, что Толя «занимался хозяйством», он, кажется, ни разу не проверял эти трубы. Я рванула его на себя, чувствуя, как металл режет кожу. Боль прошла руку до самого плеча — ноготь на указательном пальце сломался под корень, «под мясо», и горячая вода тут же попала в рану.

Я зашипела, прижав руку к груди. Кровь смешивалась с водой, стекая по моему белому рукаву.

Вода уже переливалась через край раковины. Она текла по полу, затекая под кухонный гарнитур, стремясь к дверному проему. Я представила, как она сейчас просачивается сквозь перекрытия в квартиру этажом ниже. Там жил полковник в отставке, человек суровый и не терпящий беспорядка. А в соседнем подъезде жила Пуфикова. Если завтра по гимназии поползет слух, что «Айсберг» Вернадская не смогла справиться даже с краном, я могу увольняться сразу.

Паника, настоящая, липкая, накрыла меня. Я выскочила в коридор, оставляя за собой мокрые следы. Где телефон?

Я схватила трубку мокрыми, дрожащими руками.

Сначала — аварийная служба.

«Ваш звонок сорок восьмой в очереди. Пожалуйста, оставайтесь на линии... Слышны звуки дешевой классики».

— Сорок восьмой?! У меня тут море! — крикнула я в пустоту, понимая, что автоматике плевать.

Я сбросила вызов. Сердце колотилось в горле, выбивая рваный ритм. И тут сработала она. Мышечная память. Мозг, парализованный страхом, выдал единственное решение, которое казалось логичным последние двадцать лет. Мои пальцы сами, без участия сознания, набрали номер «Толя».

Гудок. Один. Второй. Третий.

Я слушала эти звуки, и мне казалось, что это удары молота по моей гордости.

«Возьми трубку, пожалуйста, просто скажи, что делать... Перекрой общий стояк... Найди ключ...»

На четвертом гудке связь оборвалась. Сброс.

Я набрала снова.

Гудок... и мгновенный сброс.

Я замерла, глядя на экран. Он видел, кто звонит. В этот

пятничный вечер, сидя со своей ванильной нимфой в какой-нибудь уютной кафешке или уже в постели, он просто нажимал на красную кнопку. Он наказывал меня. Он упивался своей «свободой» и моим бессилием. Он знал, что я звоню не просто так. Я никогда не звонила «просто так».

Телефон выскользнул из моих рук и шлепнулся в лужу, уже добравшуюся до прихожей.

Я вернулась на кухню. Потолок «плакал» грязными каплями, вода весело журчала, заполняя пространство. Это был конец. Не просто потоп — это была метафора всей моей жизни. Мои правила, моя чистота, мои идеальные планы — всё это тонуло в грязной, горячей воде, которую я не могла остановить.

Я не стала искать тряпки. Я не стала звать соседей. Я просто медленно опустилась на пол, прямо в лужу. Моя шелковая юбка расплылась вокруг меня серым пятном.

И тут меня прорвало.

Это не были слезы завуча. Это был вой раненого зверя. Хриплый, надрывный звук, вырывающийся из самой глубины легких. Я била кулаком по воде, разбрызгивая её вокруг себя.

— Ненавижу! — кричала я в пустую, парящую кухню. — Ненавижу тебя! Ненавижу эту квартиру! Ненавижу себя!

Я плакала так, как не плакала даже в день измены. Тогда я была заморожена. Сейчас я таяла. Моя броня расплавилась, обнажая всё то, что я копила годами: усталость от вечной

ответственности, страх старости, унижение от того, что меня променяли на пустышку. Я сидела на кафеле, обхватив себя руками, и раскачивалась из стороны в сторону, а тушь черными ручьями стекала по моим щекам, пачкая воротник блузки.

Беспомощная. Жалкая. Сорокатрехлетняя неудачница в затопленной кухне.

В этот момент я услышала звонок в дверь.

Резкий, настойчивый, он прорезал шум воды и мои рыдания. Раз. Второй. Третий. Длинный, требовательный сигнал.

«Ну вот и всё, — подумала я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Кровь из сломанного ногтя размазалась по щеке, но мне было уже всё равно. — Соседи. Сейчас начнется. Крики, суды, Лидия Пуфикова с камерой телефона наготове».

Я поднялась. Ноги скользили по мокрому полу. Я едва не упала, ухватившись за косяк. Глянула в зеркало в прихожей — оттуда на меня смотрело чудовище с безумными глазами и растрепанным пучком, из которого выбились мокрые пряди.

— Идите к черту! — прошептала я, направляясь к двери. — Все идите к черту!

Я не стала спрашивать «кто там». Я просто дернула ручку и распахнула дверь, готовая к тому, что на меня сейчас обрушится гнев всего подъезда. Я уже набрала в легкие воздуха, чтобы начать оправдываться, кричать, что я жду аварийку,

что я сама всё уберу...

Но на пороге стоял не сосед.

В тусклом свете подъездной лампы возвышался огромный силуэт. Знакомая рабочая куртка цвета хаки, широкие плечи, заполняющие весь дверной проем, и взгляд холодного сланца, который мгновенно впился в мое лицо.

Вольф.

Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и в его руке был зажат мой классный журнал — видимо, я забыла его в кабинете или выронила на парковке. Но он не смотрел на журнал. Он смотрел на меня. На мою мокрую блузку, которая облепила тело, на мои босые ноги в воде, на размазанную кровь и тушь.

— У вас из-под двери скоро Ниагара потечет, Сергеевна, — его низкий бас пророкотал в тишине подъезда так обыденно, будто он зашел за солью. — Сами справитесь или мне зайти?

Я открыла рот, но вместо слов из горла вырвался только жалкий, хриплый всхлип. Я была так раздавлена, так уничтожена этой ситуацией, что даже не нашла сил возмутиться его присутствию.

Вольф не стал ждать ответа. Он просто отодвинул меня в сторону — легко, как пушинку, — и шагнул в квартиру. Дверь за его спиной закрылась с тяжелым, надежным щелчком.

— Иди в ванную, — бросил он через плечо, направляясь

прямиком в сторону шумящей воды на кухне. — Полотенце возьми. И не смей реветь, от этого трубы не чинятся.

Я осталась стоять в прихожей, глядя на его широкую спину. И впервые за десять дней мне показалось, что я могу просто закрыть глаза. Потому что в этом доме, пропахшем хлоркой и отчаянием, наконец-то появился кто-то, кто не требует от меня быть идеальной. Кому-то было всё равно на мой статус, мой пучок и мои сломанные ногти.

В кухне что-то звякнуло, послышался короткий мат, а потом... наступила тишина. Вода перестала течь.

А я стояла в темноте и чувствовала, как по моим ногам течет уже не обжигающая, а просто теплая вода. И это была самая честная пятница в моей жизни.

Глава 10 (Вольф)

от лица Вольфа

Запах свежей стружки — лучший антидепрессант, какой только придумало человечество. Когда ты снимаешь тонкий, почти прозрачный слой с выдержанного дуба, мир вокруг затихает. Нет ни налоговой, ни вечно недовольных заказчиков, ни проблем в гимназии. Есть только ты, верный рубанок и дерево, которое не умеет лгать.

Я закончил шлифовать столешницу для очередного «ценителя антиквариата» ближе к восьми вечера. Руки гудели приятной тяжестью, в горле осел привкус древесной пыли. Я плеснул в стакан ледяной воды, прислонился к верстаку и потянулся.

В углу мастерской, на старом кожаном диване, валялся рюкзак Берта. Мой сын в последнее время вел себя как вскрытый нарыв: то молчал сутками, то взрывался по пустякам. Смерть матери прошла его насквозь, а я, честно говоря, так и не нашел подходящих ниток, чтобы заштопать эту рану.

Я подошел к рюкзаку, чтобы забрать ключи от дома, которые этот оболтус вечно забывал, и мой взгляд зацепился за угол чего-то синего.

Классный журнал. 9 «Г».

Я вытащил папку. На обложке аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено: «Вернадская А. С.».

— Твою мать, Берт... — пробормотал я в пустую мастерскую.

Пацан явно «позаимствовал» его, чтобы подчистить хвосты или просто насолить этой своей новой учительнице. «Железная Вернадская». Я вспомнил наш разговор в её кабинете три дня назад. Накрахмаленная, затянутая в свой серый панцирь, с пучком, который, казалось, держит не волосы, а её рассудок. Она смотрела на меня как на дефектную деталь, которую нужно либо подогнать под стандарт, либо выкинуть на свалку.

Я знал этот тип женщин. Они строят вокруг себя крепость из параграфов и регламентов, потому что до смерти боятся, что кто-то увидит их настоящих. Настоящих — значит уязвимых.

Я бросил журнал на пассажирское сиденье своего внедорожника. Ехать к ней домой в пятницу вечером — затея паршивая, но оставлять этот «документ строгой отчетности» у себя было опасно. Если в школе узнают, пацана сотрут в порошок, а Вернадская получит еще один повод смотреть на нас как на мусор.

Адрес я узнал из личного дела Берта. Сталинка в паре кварталов от школы. Престижно, монументально и чертовски одиноко — именно так я и представлял её логово.

Город задышался в пятничных пробках. Сентябрьский ве-

чер пах дождем и перегретыми моторами. Я посадил Берта у дома, велел ему делать уроки, а сам двинулся к Вернадской.

Когда я зашел в её подъезд, в нос ударил запах старого камня и дорогого паркета. Сталинки умеют хранить достоинство. Я поднялся на четвертый этаж и замер.

Из-под двери квартиры №42 текла вода. Не тонкая струйка, а вполне себе бодрый ручей, который уже начал облизывать коврик соседей. А за дверью...

За дверью кто-то выл.

Это не был плач. Это был хриплый, утробный звук абсолютного отчаяния. Так воет зверь, попавший в капкан, когда понимает, что охотник уже близко, а лапа не освобождается.

Я нажал на звонок. Долго. Требовательно.

Никакой реакции. Только шум воды, который становился всё громче, и этот надрывный вой.

Я ударил по двери кулаком.

— Эй! Сергеевна! Открывай, а то дверь вынесу!

За дверью что-то упало. Послышались шаркающие шаги, всплески воды. Замок щелкнул, и дверь распахнулась.

Я ожидал чего угодно, но не этого.

Передо мной стояло... привидение. От «железной леди» не осталось ничего. Блузка, когда-то ослепительно белая, промокла насквозь и облепила её тело так плотно, что я невольно зафиксировал контуры кружевного белья. Тонкие плечи дрожали. Волосы, обычно стянутые в тугий узел, сейчас мокрыми прядями липли к лицу. Но хуже всего были

глаза. Размазанная тушь черными ручьями стекала по щекам, смешиваясь с кровью из глубокой царапины на скуле.

Она смотрела на меня и не видела. В её взгляде была такая пустота, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— У вас из-под двери скоро Ниагара потечет, Сергеевна, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно обыденнее. — Сами справитесь или мне зайти?

Она открыла рот, но вместо слов из горла вырвался сухой, ломкий вскрик. Она качнулась, и я, не раздумывая, шагнул внутрь, придерживая её за локоть. Кожа была ледяной.

Я молча отодвинул её в сторону, бросил синий журнал на сухую тумбочку в прихожей и пошел на шум.

В кухне был ад. Горячая вода лупила из раковины в потолок, создавая в помещении эффект сауны. Видимость — нулевая.

— Рукожоп... — проворчал я, имея в виду того, кто довел трубы до такого состояния.

Я скинул куртку и нырнул под раковину. Вода обжигала, но после сварки и работы с капризным деревом это были пустяки. Я нащупал вентили. Конечно. Закисли намертво. Тот, кто жил здесь раньше, явно не утруждал себя профилактикой.

Я навалился плечом, чувствуя, как мышцы спины натягиваются до предела. Металл сопротивлялся, скрипел, но под моей рукой выбора у него не было. Рывок — и вентиль поддался. Еще один — и тишина обрушилась на кухню так вне-

запно, что стало слышно, как в коридоре капает с потолка.

Я вылез из-под раковины, отдуваясь. На полу в луже валялся её телефон. Я поднял его. Экран светился.

«Толя. 2 пропущенных».

Так вот он какой, этот технический гений гимназии. Сбросил звонок жене, когда у неё тут потоп.

Я положил телефон на обеденный стол. Кухня выглядела жалко. Дорогие обои пошли пузырями, на полу — море. Но больше всего меня зацепила корзина с продуктами на стуле. Одинокий йогурт, творог, какая-то трава. Весь набор женщины, которая забыла, что такое нормальный ужин на двоих.

Я вернулся в прихожую. Аглая всё ещё стояла на том же месте. Она обхватила себя руками, и зубы у неё выбивали чечетку.

— Так, Сергеевна, слушай мою команду, — я подошел к ней вплотную. От неё пахло мокрой тканью, дождем и... настоящей женщиной, а не школьным регламентом. — Сейчас ты идешь в ванную. Включаешь горячую воду. Смываешь с себя эту черную краску и греешься. Если через десять минут не выйдешь — зайду и вытащу сам. Поняла?

Она подняла на меня взгляд. Кажется, до неё начало доходить, кто перед ней.

— В-вольф... — прошептала она.

— Он самый. Иди. Живо.

Я взял её за руку, чтобы подтолкнуть к двери ванной, и заметил, что её правая рука в крови. Ноготь сорван, кожа со-

драна до мяса. Видимо, сама пыталась крутить эти чертовы вентили.

Мои пальцы на секунду сжались на её запястье. Кожа у неё была удивительно нежной, совсем не такой, какую ожидаешь от «железного завуча». Между нами словно искра проскочила — короткая, злая, заставившая меня внутренне напрячься.

Она послушно побрела в ванную. Я услышал шум воды и тяжелый вздох, за которым последовал всхлип.

Я не стал терять времени. Нашел на балконе старую швабру и ведро. Мои руки работали сами собой. Я выгребал воду из коридора, из кухни, чувствуя, как злость на её мужа растёт с каждым взмахом тряпки. Оставить бабу одну в такой хате, с такими трубами и таким характером... Это надо быть либо слепым, либо законченным мерзавцем.

Я осмотрел её быт. Всё было качественным, но каким-то... застывшим. Будто здесь жили в музее, где нельзя ничего трогать. Картины в строгих рамках, ни одной лишней пылинки, ни одного признака хаоса. Но в этом порядке не было жизни.

Через пятнадцать минут я закончил с основной водой. Кухня начала подсыхать, хотя пар всё ещё висел в воздухе.

Дверь ванной открылась.

Аглая вышла, кутаясь в махровый халат, который был ей явно велик. Она смыла макияж. Лицо было бледным, но теперь оно было живым. Опухшие глаза, покрасневший нос, и

эта царапина... Она выглядела как девчонка, которую обидели во дворе, а заступиться некому.

Она замерла в дверном проеме, вцепившись пальцами в ворот халата так, будто это была последняя линия обороны. Без своего бронированного костюма и этой нелепой прически она казалась в два раза меньше. Мокрые волосы рассыпались по плечам, и я впервые увидел ее уши — маленькие, беззащитные, покрасневшие от горячей воды.

— Я... я всё уберу, — прошептала она, глядя на пустые ведра. — Спасибо, Владимир. Вы не должны были...

— Не должны были что? Оставить тебя тонуть в собственной кухне? — я бросил тряпку в ведро. Гулкий всплеск заставил её вздрогнуть. — Сядь.

— Что?

— Сядь на стул, Аглая Сергеевна. У тебя рука в крови, если ты не заметила. И зубы стучат так, что в соседнем подъезде слышно.

Она послушно опустилась на край табурета. Я прошел в ванную, нашел там аптечку — разумеется, она была в идеальном порядке, коробочка к коробочке, бинтик к бинтику. Вернулся на кухню, сел на корточки прямо перед ней.

— Дай руку.

Она помедлила, а потом протянула мне ладонь. Тонкая, с длинными пальцами, сейчас она была испачкана запекшейся кровью и пахла хлоркой. Ноготь на указательном пальце был сорван почти полностью. Зрелище малоприятное, но я и не

такое видел у себя в мастерской.

Я взял её руку. Мои пальцы, грубые, покрытые старыми мозолями и шрамами от стамесок, казались рядом с её кожей деталями от разного конструктора. Я почувствовал, как она напряглась, когда я коснулся её запястья. Короткий импульс, как статический разряд.

— Будет щипать, — предупредил я, открывая перекись.

Она не пискнула. Только зажмурилась и закусила губу, когда пена зашипела на ране. Сильная. Или просто привыкла терпеть. В этой её квартире всё кричало о том, что здесь давно привыкли терпеть: и этот сорванный кран, который явно капал не один месяц, и этот идеальный порядок, больше похожий на застывшую выставку в музее.

— Где твой муж, Аглая? — спросил я, накладывая повязку.

Она открыла глаза. В них снова плеснула та самая пустота, которую я увидел у двери.

— Его здесь больше нет. Он ушел. Десять дней назад.

— Ясно. Кран он, видимо, оставил тебе в наследство. Как и закисшие вентили.

— Он обещал починить... — она осеклась. — Впрочем, это уже не имеет значения.

Я закончил с повязкой, но руку не отпустил. Почему-то не хотелось. В этом стерильном мире, который она вокруг себя выстроила, эта маленькая теплая ладонь была единственной живой вещью.

— Имеет, — я поднял на неё взгляд. — Дерево гниет незаметно, Сергеевна. Сначала маленькая трещинка, потом грибок, а потом — труха под слоем лака. Твой «дом» прогнил давно, просто ты старательно делала вид, что лак всё ещё блестит.

Она попыталась отнять руку, но я придержал её. Не грубо, но твердо.

— Слушай меня. Журнал твой на тумбочке. Берт его при- тащил, дурак. Хотел, наверное, чтобы я его наказал, а я вот... завез. Завтра в школе сделаешь вид, что он просто лежал у тебя в столе. Поняла?

— Почему вы помогаете мне? — она смотрела на меня с недоверием, которое перекрывало даже её усталость. — Вы ведь меня ненавидите. За 9 «Г», за Берта, за мои правила...

Я усмехнулся и наконец отпустил её руку. Встал, вытирая ладони о джинсы.

— Я не ненавижу тебя, Аглая. Ты мне просто не нравишься. Мне не нравятся люди, которые задыхаются в собственных футлярах и при этом пытаются учить других, как правильно дышать. Но я не оставляю людей в беде. Даже завучей.

Я направился к выходу. Кухня подсохла, в воздухе всё ещё висел запах хлорки и пара.

— Владимир! — окликнула она меня, когда я уже был в прихожей.

Я обернулся. Она стояла в проеме, кутаясь в халат. Блед-

ная, взъерошенная, совершенно не похожая на ту женщину, которая вчера отчитывала моего сына.

— Спасибо. За всё.

— Кран я завтра пришлю поменять. Мой мастер сделает. Не смей вызывать аварийку, обдерут как липку. И дверь закрой на все обороты.

Я вышел на лестничную клетку и дождался, пока щелкнет замок.

Спускаясь к машине, я чувствовал странное беспокойство. Этот вечер пошел совсем не по плану. Я ехал сюда, чтобы вернуть журнал и, возможно, еще раз ткнуть её носом в её же холодность. А в итоге...

Я сел во внедорожник, закурил, глядя на освещенное окно на четвертом этаже. Перед глазами всё еще стояла картинка: Аглая в мокрой блузке, раздавленная и беззащитная.

«Никакая она не снежная королева, — подумал я, выпуская дым в приоткрытое окно. — Просто перепуганная девочка, которая заперла себя в этом сталинском склепе и забыла, где выбросила ключи».

Я вспомнил, как она шла по мокрому полу. Халат распахнулся на мгновение, обнажая щиколотки и икры.

«И черт возьми, у неё красивые ноги. Длинные, сильные... танцевальные. Откуда у завуча такие ноги? Она ведь не просто ходит, она пружинит, даже когда ей плохо».

Я завел мотор. Предстояла тяжелая ночь. Нужно было придумать, как вправить мозги Берту, который начал играть

в опасные игры с журналом. Но мысли всё равно возвращались к Аглае. В ней было что-то, что не давало мне покоя. Какая-то тайна, скрытая за всеми этими пучками и методичками. И я, кажется, впервые за долгое время захотел её разгадать.

Но сейчас ей нужно было просто выспаться. А мне — забыть о том, как её пульс бился под моими пальцами.

Я выехал со двора, оставив сталинку позади. Пятница заканчивалась. Впереди была суббота, которая, как я чувствовал, принесет ещё больше проблем.

Глава 11

Суббота в гимназии — это день призраков. Учеников мало, коридоры кажутся шире и выше, а эхо от шагов затихает медленнее, чем обычно. Но для меня это утро началось не с тишины, а с тупой, пульсирующей боли в указательном пальце правой руки.

Я сидела на краю дивана в своем кабинете, разглядывая повязку. Владимир — Вольф, как он сам себя назвал — наложил её вчера вечером на совесть. Бинт был чистым, тугим, совсем не похожим на те кривые бантики, которые я привыкла вязать себе сама. От повязки всё еще едва уловимо пахло антисептиком и... чем-то мужским. Деревом. Силой.

Я вспомнила его руки. Огромные, мозолистые, они касались моей кожи с такой странной смесью грубости и осторожности, что у меня до сих пор мороз пробежал по коже. Он видел меня раздавленной. Видел, как я сижу в луже на полу собственной кухни и вою от бессилия. Моя идеальная броня вчера не просто дала трещину — она рассыпалась в пыль под напором сорванного крана и собственного отчаяния.

— Соберись, Аглая, — прошептала я своему отражению в зеркале прихожей, когда пришло время выходить.

Лицо было бледным, но макияж — плотный, матовый — снова скрывал всё лишнее. Царапина на скуле, оставленная осколком хрусталя, под слоем корректора выглядела просто

как случайная тень. Я надела строгий жемчужный джемпер с высоким горлом и темные брюки со стрелками. Повязку на руке я спрятала под манжетом, но она всё равно ощущалась как инородное тело, как напоминание о том, что в моем стерильном мире теперь есть свидетель моего позора.

Квартира после вчерашнего потопа пахла сыростью и тяжелой, осевшей пылью. Вольф вытер воду, но ощущение катастрофы осталось. Кран, который он перекрыл, молчал, и эта тишина была пугающей.

В гимназию я зашла в девять пятнадцать. Охранник Валера, обычно сонный по субботам, сегодня бодрствовал и о чем-то жарко спорил по телефону. Увидев меня, он мгновенно замолчал и отвел взгляд. Это был первый звончок.

— Доброе утро, Валерий. Что-то случилось? — я остановилась, поправляя сумку на плече.

— Да там... в девятом «Г» опять... — он неопределенно махнул рукой в сторону лестницы. — Директор уже на месте. И Мария Ивановна из химии... в общем, штормит там, Аглая Сергеевна.

Я не стала дослушиваться. Мои каблуки застучали по линолеуму, отбивая тревожный ритм. Девятый «Г». Моя персональная ссылка. Снова Берт?

Чем ближе я подходила ко второму блоку, тем отчетливее слышался шум. Но это был не шум урока. Это был крик. Мария Ивановна, наша химичка — женщина предпенсионного возраста, чьи нервы давно превратились в истлевшие нитки

— рыдала в коридоре, прижимая платок к лицу. Вокруг неё кучковались несколько учителей.

— Что здесь происходит? — мой голос разрезал этот хаос, как скальпель.

— Пропали... пропали! — вскрикнула Мария Ивановна, завидев меня. — Аглая Сергеевна, сейф-пакет с реактивами для олимпиады! Там концентрированные кислоты, там вещества из спецсписка! Я только на пять минут вышла в лаборантскую за журналами, дверь заперла... а когда вернулась — ящик вскрыт! Это же уголовное дело!

Я почувствовала, как по спине пополз липкий холод. Лаборантская. Снова это место.

— Вы уверены, что заперли дверь? — спросила я, стараюсь сохранять ледяное спокойствие.

— Уверена! Уверена! А ключи у кого были? Только у меня и... — она запнулась, глядя на меня со смесью ужаса и подозрения. — И у администрации. У вас ведь тоже есть универсальный ключ, Аглая Сергеевна?

Я проигнорировала этот выпад. В коридоре показалась массивная фигура Виктора Павловича. Директор был в ярости. Его лицо приобрело багровый оттенок, а галстук был сбит набок.

— Вернадская! Зайдите ко мне. И вы, Левацкий, тоже! — рявкнул он, глядя куда-то вглубь коридора.

Из-за спин учителей вышел Берт. Он выглядел так же, как всегда: расслабленный, дерзкий, с рюкзаком, небрежно на-

брошенным на одно плечо. Но в глубине его глаз я увидела то, чего не замечала раньше. Напряжение. Сжатую пружину. Он не смотрел на Марию Ивановну, не смотрел на директора. Он смотрел на меня.

— В кабинет. Живо, — бросил Виктор Павлович.

Мы шли по коридору — процессия осужденных. Лидия Пуфикова, разумеется, уже была тут как тут. Она «случайно» вышла из учительской с пачкой бумаг, и её глаза сияли таким восторгом, будто ей только что вручили премию.

— Безобразие какое, — прошептала она мне вслед, достаточно громко, чтобы я услышала. — Реактивы... Это же подсудное дело. Бедная Мария Ивановна, так разволновалась. А мальчик-то... я сразу говорила — от него одни беды.

Я не удостоила её ответом.

В кабинете директора пахло табаком и дешевым освежителем воздуха. Виктор Павлович рухнул в свое кресло и ударил ладонью по столу.

— Итак. У нас ЧП. Из охраняемого помещения пропали опасные вещества. Камеры в коридоре второго блока, как назло, были отключены на профилактику после юбилея. Но! — он поднял указательный палец, — Вахта зафиксировала, что Альберт Левацкий заходил в школу за сорок минут до начала факультатива. Совершенно один.

— Я забыл в классе зарядку, — глухо произнес Берт. Он стоял у окна, засунув руки в карманы брюк. — Зашел, взял, ушел. В лаборантскую я не заходил.

— А это мы сейчас проверим, — Директор кивнул охраннику Валере, который мялся у двери. — Валера, неси его рюкзак. Он оставил его в раздевалке перед тем, как мы его перехватили.

Я видела, как Берт едва заметно вздрогнул. Это длилось секунду, но я успела заметить.

Валера положил рюкзак на стол директора. Старый, потертый черный рюкзак. Виктор Павлович, не стесняясь в средствах, просто перевернул его и вытряхнул содержимое.

На стол посыпались учебники, мятые тетради, пачка жевательной резинки, какие-то провода... и тяжелый, обмотанный синим скотчем полиэтиленовый пакет. Тот самый сейф-пакет с логотипом химлаборатории.

Тишина в кабинете стала осязаемой. Было слышно, как гудит компьютер на столе директора.

— Ну? — Виктор Павлович посмотрел на Берта. — «Зарядку забыл», значит? Это, по-твоему, зарядка, Левацкий?

Берт смотрел на пакет так, будто это была гремучая змея. Его лицо побелело, челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

— Это не моё, — сказал он. Голос его был тихим, но в нем не было страха. Было только... омерзение. — Мне подбросили.

— Подбросили! Конечно! — Директор сорвался на крик. — В закрытую раздевалку, в твой рюкзак! Ты хоть понимаешь, парень, что это колония? Я сейчас вызываю полицию.

Прямо сейчас. Я не собираюсь из-за тебя лишаться лицензии и места!

Он схватил трубку телефона.

— Подождите, Виктор Павлович, — мой голос прозвучал неожиданно твердо даже для меня самой.

— Что «подождите», Аглая Сергеевна?! — Директор уставился на меня. — Вот улики! Вот вор! Вы его защищаете? Вы, завуч по воспитательной работе?

Я посмотрела на Берта. Он поднял голову и встретился со мной взглядом. И в этот момент я увидела его. Настоящего. За этой маской наглого подростка скрывалось такое оглушительное одиночество и такая привычная готовность к тому, что его сейчас предадут, что у меня перехватило дыхание.

Я узнала этот взгляд. Я видела его в зеркале вчера вечером, сидя в луже воды. Взгляд человека, которого бросили на растерзание обстоятельствам те, кто должен был защищать.

— Это слишком просто, — сказала я, подходя к столу. — Берт неглуп. Если бы он украл реактивы, он бы не оставил их в рюкзаке в школьной раздевалке. Это... нелогично.

— Логика здесь одна — воровство! — Виктор Павлович уже набирал номер.

В этот момент дверь кабинета распахнулась без стука.

Вольф вошел так, будто эта дверь и вовсе не была для него преградой. Сегодня на нем не было рабочей куртки — простая темно-синяя рубашка с закатанными рукавами подчеркивала его пугающую мощь. Он не кричал, не суетился. Он

просто остановился посреди кабинета, и пространство вокруг него словно сжалось.

Запах свежего дерева и табака мгновенно вытеснил казенный дух кабинета.

— Положи трубку, Виктор, — негромко произнес Вольф. В его голосе не было просьбы. Только голый приказ.

Директор, человек не робкого десятка, на мгновение замер. Его палец завис над кнопкой вызова.

— Владимир... ты понимаешь, что произошло? Твой сын совершил уголовное преступление! — голос Виктора Павловича сорвался на фальцет. — Мы нашли это у него в вещах!

Вольф даже не взглянул на стол, где лежал злополучный пакет. Его взгляд был прикован к сыну. Берт стоял неподвижно, его лицо превратилось в маску из застывшего гипса. Только жилка на шее билась так часто, что казалось, она вот-вот порвет кожу.

— Берт, ты это брал? — спросил Вольф.

— Нет, — ответил парень. Коротко. Хлестко. Как выстрел.

— Мне этого достаточно, — Вольф перевел взгляд на директора. — Мой сын не вор. И уж точно не идиот, чтобы таскать краденое в рюкзаке по школе. Если ты сейчас наберешь «ноль-два», я затаскаю тебя по судам так, что ты забудешь, как пахнет твоя дорогая кожа в этом кресле. Я разнесу это заведение юридически, а если не поможет — по кирпичу.

— Ты мне угрожаешь?! — взвизгнул директор. — Улики

на столе! Вернадская, вы слышите? Это же безумие!

Я смотрела на них — на разъяренного директора, на мощного, как скала, Вольфа и на Берта. Моя правая рука под манжетом пиджака запульсировала болью. Повязка, наложенная Вольфом вчера вечером, словно стянула не только рану, но и все мои сомнения.

Я вдруг вспомнила вчерашний вечер. Свою затопленную кухню. Свою беспомощность. И то, как Вольф, не задавая лишних вопросов, просто пришел и починил мой мир. Он не спрашивал, виновата ли я в том, что кран сорвало. Он просто защитил.

А сейчас его сына методично топили в этой комнате.

Я сделала шаг вперед, подходя к столу. Мои каблуки стукнули по паркету вызывающе громко.

— Виктор Павлович, остановитесь, — сказала я. Мой голос был спокойным, тем самым «завуческим» голосом, который не терпит возражений. — Альберт прав. Это подстава.

— Что?! — Директор уставился на меня так, будто у меня выросла вторая голова. — Аглая Сергеевна, вы в своем уме? Вы же сами видели, откуда достали пакет!

— Видела, — я кивнула, не отрывая взгляда от Берта. — Но я также вижу, что сейф-пакет не вскрыт. Если бы ученик хотел украсть реактивы для... скажем, хулиганства, он бы сделал это иначе. И главное — ключи от лаборантской. Мария Ивановна утверждает, что дверь была заперта. У Берта нет ключей.

— У него могли быть дубликаты! Или он вскрыл замок!
— не унимался Виктор Павлович.

— Замок в лаборантской — старый «эльбор». Его невозможно вскрыть без следов взлома. Я проверяла дверь перед тем, как зайти к вам. Она цела. Значит, входил тот, у кого есть ключ.

Я сделала паузу, чувствуя, как в кабинете нарастает напряжение.

— Универсальные ключи есть только у троих человек в этой школе, — продолжила я, глядя директору прямо в глаза. — У вас, у меня и у дежурного охранника. Ну и, конечно, у технического персонала, который занимался аппаратурой на юбилее.

При упоминании технического персонала директор на секунду запнулся. Мы оба знали, о ком речь. Анатолий. Мой муж, который имел доступ ко всем помещениям и который вчера буквально сбежал из школы.

Взгляд Берта в этот момент изменился. Он перестал быть «волчонком». В его глазах промелькнула искра чего-то... похожего на надежду. Но это была надежда, смешанная с горьким узнаванием. Он смотрел на меня и видел женщину, которую тоже предали. Которую тоже пытаются сделать крайней в чужой грязной игре.

В этом подростке, которого все считали отбросом, я вдруг увидела себя. Свое одиночество. Свою привычку держать удар, когда весь мир хочет, чтобы ты упала.

— Вы хотите сказать, что это сделал... Анатолий Борисович? — прошипел директор. — Своему же куратору подложил свинью?

— Я хочу сказать, что полиция сейчас — это самый простой способ похоронить репутацию гимназии и жизнь мальчика, — я положила руку на телефонный аппарат, прижимая трубку к базе. — Если мы вызовем органы, скандал не замаять. Лидия Пуфикова уже стоит за дверью, она только и ждет, чтобы выложить фото полицейских машин в сеть. Вы этого хотите, Виктор Павлович? Чтобы в понедельник в департаменте обсуждали «нарко-лабораторию» в элитной гимназии?

Директор побледнел. Его личные амбиции всегда были сильнее жажды справедливости.

— А что вы предлагаете? — буркнул он, убирая руку от телефона.

— Я беру расследование на себя, — отчеканила я. — И Берт остается в школе. Под мою личную ответственность. Я найду, кто входил в лаборантскую. Дайте мне сорок восемь часов. Если я не найду доказательств невиновности Альберта — делайте что хотите. Но сейчас полиция останется в кобуре.

Вольф, до этого хранивший молчание, сделал шаг ко мне. Его тень накрыла мой стол. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Не «завуча в футляре», а женщину, которая только что бросилась на амбразуру ради его сына.

— Сорок восемь часов, — повторил Вольф, глядя на директора. Его голос звучал как финальный аккорд. — И не дай бог, Виктор, хоть одно слово об этом выйдет за пределы кабинета.

Директор молча махнул рукой, показывая, что мы можем уйти.

Мы вышли в коридор. Берт шел впереди, его спина была напряжена, как струна. Вольф шел рядом со мной. У лестницы он остановился и повернулся ко мне.

— Зачем вы это сделали, Сергеевна? — спросил он тихо. — Вы ведь понимаете, что если не найдете вора, директор скормит вас совету вместе с этим журналом. Вы подставили под удар свою карьеру. Ради чего?

Я поправила манжет пиджака, скрывая повязку на руке.

— Ради правды, Владимир, — ответила я, глядя на Берта, который замер на нижней ступеньке, ожидая отца. — Вы вчера сказали, что Левацкие не лгут. Так вот, Вернадские — тоже. По крайней мере, те, кто еще помнит, что такое совесть.

Я перехватила взгляд Берта. В нем не было благодарности. В нем была тихая, взрослая боль. И в этой боли я узнала свою собственную. Одиночество, которое не лечится словами, а только поступками.

Я поняла, что в этот момент я пошла против системы. Против директора, против Пуфиковой, против призрака своего мужа. И это было самое правильное чувство за по-

следние десять лет.

Глава 12

В кабинете Виктора Павловича пахло не просто старым деревом и табаком, а концентрированным мужским упрямством. Я стояла между двух огней: багровым от ярости директором, который судорожно сжимал телефонную трубку, и Вольфом, чей силуэт в тусклом свете субботнего полдня казался вырезанным из куска скалы.

Моя правая рука, перебинтованная вчерашним «спасителем», ныла под манжетом пиджака. Пульсирующая боль в сорванном ногте была на удивление полезной — она не давала мне провалиться в оцепенение, заставляя мозг работать с четкостью швейцарских часов.

— Виктор Павлович, положите трубку, — повторила я, и мой голос прозвучал в этой духоте как лезвие, разрезающее плотную ткань.

— Вы с ума сошли, Аглая Сергеевна! — взвизгнул директор, но руку с аппарата убрал. — У нас на столе — состав преступления! Кража опасных веществ! Это же тюрьма для пацана и позор для всей гимназии! Я обязан сообщить!

Я медленно подошла к столу и положила свою перебинтованную руку прямо на темную лакированную поверхность. Белизна марли на фоне дуба выглядела вызывающе. Виктор Павлович невольно уставился на мою ладонь, и его пыл чуть поутих.

— Состав преступления, — чеканила я каждое слово, — требует доказательства умысла. Давайте включим логику, которой мы так гордимся в этих стенах. Альберт Левацкий — не идиот. Он прекрасно знает, что рюкзаки в раздевалке проверяются при малейшем подозрении. Вы всерьез верите, что он, украв пакет из сейфа, решил бы носить его с собой, как учебник географии?

— Преступники всегда совершают ошибки! — буркнул директор, поправляя съехавший галстук.

— Это не ошибка, это абсурд, — я повернулась к Берту. Мальчик всё так же стоял у окна, сжав кулаки. — Альберт, ты заходил в лаборантскую?

Он поднял на меня взгляд. В этих глазах, таких же сланцево-серых, как у отца, не было страха. Там была только бесконечная усталость человека, которого уже приговорили.

— Нет, — бросил он. — Я зашел за зарядкой в класс. Дверь лаборантской была закрыта. Я даже не подходил к ней.

— Врет! — выкрикнула из-за двери Мария Ивановна, которая, судя по звукам, подслушивала в коридоре. — Все они врут!

Я не обратила на неё внимания.

— Виктор Павлович, камеры во втором блоке отключены со вчерашнего вечера, — продолжила я, возвращаясь к директору. — Профилактика после юбилея, ваши слова. Но я напомню вам кое-что другое. Ключи. Мария Ивановна утверждает, что дверь была заперта. Взлома нет. Значит, во-

шел тот, у кого был доступ.

Я сделала паузу, чувствуя, как Вольф за моей спиной едва заметно шевельнулся.

— Вчера во время юбилея ключи от всех помещений, включая лаборантские, находились в распоряжении технического персонала, — мой голос стал еще тише, но весомее. — Они настраивали звук, свет, проверяли щитки. Анатолий Борисович лично курировал обход.

При упоминании моего мужа директор вздрогнул. Мы оба знали: Анатолий сбежал из школы вчера вечером в разгар праздника. Если поднять вопрос о ключах, тень падет на него. А значит — на меня. И на всю администрацию.

— Вы... вы на что намекаете, Вернадская? — прошипел Виктор Павлович.

— Я не намекаю. Я предлагаю юридически грамотный выход из ситуации, которая может похоронить ваше кресло, — я наклонилась над столом, вторгаясь в его личное пространство. — Если сейчас приедет полиция, они начнут копать. Они узнают, что камеры были отключены по вашему распоряжению. Узнают, что посторонний персонал имел доступ к сейфам. Это халатность, Виктор Павлович. Ваша халатность.

Директор побледнел. Его пальцы, униженные перстнями, задрожали.

— Сорок восемь часов, — отрезала я. — Берт остается в школе, но я беру его под личную ответственность. Он будет под моим присмотром каждую минуту. За это время я найду

того, кто действительно открыл этот сейф. Если нет — я сама напишу заявление об увольнении по статье вместе с ним.

В кабинете воцарилась тишина. Было слышно, как на улице, за окном, шумит ветер в ветвях старых лип.

— Вы с ума сошли, — повторил директор, но в его голосе уже не было ярости. Только трусливый расчет. — Сорок восемь часов. До полудня понедельника. Реактивы я забираю в свой сейф. Левацкий-младший, если я увижу тебя в коридоре без сопровождения Вернадской — полиция приедет за пять минут.

Вольф, до этого момента стоявший как изваяние, вдруг сделал шаг вперед.

— Пошли, Берт, — его голос пророкотал в комнате, как низкая нота органа. — Нам здесь больше нечего обсуждать.

Он не взглянул на директора. Он смотрел на меня. Долго, изучающе, словно пытался понять, какая часть меня настоящая: та, что застегнута на все пуговицы, или та, что только что поставила на кон свою жизнь ради его сына.

Мы вышли из кабинета. Мария Ивановна и Лидия Пуфикова, затаившиеся в коридоре, мгновенно сделали вид, что изучают расписание. Но я видела, как горели глаза Лидии. Она уже учуяла запах крови. Скандал, в котором замешан и «проблемный Левацкий», и «изменник-муж», и «святая Аглая», был слишком сладок, чтобы о нем молчать.

Я прошла мимо них, не меняя выражения лица. Пускай шепчутся. Пускай захлебываются своим ядом.

Берт вылетел на крыльцо первым. Он не стал ждать нас, просто зашагал в сторону парковки, ссутулив плечи. В каждом его движении читалось желание оказаться как можно дальше от этой «элитной» клоаки.

Я вышла на крыльцо последней. Сентябрьское солнце, яркое и холодное, ударило в глаза. Воздух после дождя пах озоном и мокрой листвой.

— Сергеевна, — раздалось рядом.

Я обернулась. Вольф стоял на ступеньку ниже, глядя на меня снизу вверх. Без своей рабочей куртки он казался еще шире, еще массивнее. Его темно-синяя рубашка была натянута на плечах так, что пуговицы едва выдерживали.

— Вы сейчас совершили очень глупый поступок, — сказал он. В его голосе не было привычной насмешки. Только сухая констатация факта. — Подставили шею под топор ради пацана, которого едва знаете. В этой системе таких, как вы, не любят. Вас сожрут.

Я поправила манжет пиджака, скрывая бинт. Рука ныла, но я заставила себя улыбнуться. Холодно и вежливо.

— Я сделала это не ради вас, Владимир. И даже не совсем ради Альберта. Я сделала это потому, что не терплю непрофессионализма. Обвинять человека без прямых улик — это профнепригодность. А я привыкла работать качественно.

Вольф усмехнулся. В уголках его глаз собрались мелкие морщинки, которые делали его лицо менее суровым, но более опасным. Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию.

Теперь я чувствовала запах его парфюма — кедр, кожа и что-то горькое, лесное.

— Ну да, — пробасил он. — Рассказывай это директору. А я вижу другое. Вы сейчас пошли против своего мужа, Сергеевна. Вы ведь понимаете, что ключи, скорее всего, были у него?

Я промолчала. Он ударил в самую точку.

— Я должен вам, — Вольф вдруг посерьезнел. Он протянул руку и на мгновение коснулся моего плеча. Краткий, почти невесомый жест, от которого у меня перехватило дыхание. — А Левацкие долги всегда отдают. Сорок восемь часов — это мало. Но если понадобится помощь вне этих стен... вы знаете, где меня искать.

Он кивнул в сторону своего огромного черного внедорожника, который стоял у самых ворот, выделяясь среди малолитражек учителей как волк в овчарне.

— Садись, подвезу до дома. У тебя лицо цвета мела, и рука трясется. Тебе вредно сейчас за руль.

— Я справлюсь сама, — начала я по привычке.

— Садись, я сказал, — он перебил меня без тени грубости, но с такой уверенностью, что спорить было бесполезно. — Берт уже в машине. Поговорим по дороге.

Я посмотрела на здание гимназии. В окне третьего этажа я увидела силуэт Лидии Пуфиковой. Она стояла за занавеской, наблюдая за нами.

«Ну что ж, Лидочка, — подумала я, направляясь к маши-

не Вольфа. — Дай тебе бог не подавиться этой новостью».

Я села на высокое пассажирское сиденье. В салоне пахло деревом, хорошим табаком и силой. Вольф завел мотор, и мощный рокот двигателя отозвался вибрацией где-то в груди.

Глава 13 (Вольф)

от лица Вольфа

Запах кедра вперемешку с кожей — это единственное, что помогало мне не сорваться и не разнести к чертям собачьим кабинет этого напыщенного индюка Виктора Павловича еще в субботу. Но сегодня был понедельник, и воздух в салоне моего «Патриота» казался слишком густым. Я сидел, откинувшись на спинку кресла, и сквозь лобовое стекло наблюдал за тем, как Гимназия №5 извергает из себя порции выжатых за день учителей.

Школа — это ведь тот же лес, только деревья здесь из папье-маше, а хищники притворяются травоядными. Я крутил в руках тяжелый латунный смеситель. Холодный металл приятно охлаждал ладонь. Вещь была весомая, честная, не чета тому китайскому силумину, который сорвало в квартире Сергеевны в прошлую пятницу.

Я до сих пор не мог выкинуть ту сцену из головы. Завуч, «железная леди», гроза всех прогульщиков, сидит в луже горячей воды, размазывая тушь и кровь по лицу, и воет. Не плачет, а именно воет — так, как воют бабы, когда у них внутри всё выгорает до пепла. И её муж-рукожоп, сбрасывающий звонки. Если бы этот Анатолий попался мне под руку в тот момент, я бы ему вправил суставы без всякой анестезии. Но вместо этого я просто перекрыл ей воду и наложил

повязку на сорванный ноготь.

У Левацких был один пунктик, который дед-немец вбивал мне в голову еще до того, как я научился держать стамеску: никогда не оставайся в долгу. Долг — это ржавчина. Она ест тебя изнутри, делает слабым. А Аглая Вернадская в субботу выставила мне счет размером с жизнь моего сына. Она подставила свою шею под топор директора, защищая Берта. Глупо? Да. Безрассудно? Безусловно. Но она это сделала.

И теперь этот долг жег мне грудь сильнее, чем застарелый шрам от циркулярной пилы.

Из ворот школы выплыла Лидия Пуфикова. Секретарша, змея в розовых пайетках. Она на мгновение замерла, вглядываясь в мой внедорожник. Её ноздри хищно раздулись — учуяла сенсацию. Я намеренно опустил стекло и выпустил струю дыма прямо ей в лицо. Пуфикова скривилась, дернула плечом и посеменила к остановке, наверняка уже набирая в чате: «Левацкий-старший караулит завуча у ворот».

Пусть пишет. Мне плевать на их сплетни так же, как на древесную пыль после шлифовки.

Аглая появилась через десять минут.

Она вышла из тени колонн, и я невольно прищурился. Костюм — идеальный, ни единой лишней складки. Пучок затянут так, что, кажется, глазам больно. Но походка её выдавала. Она не шла, она тащила себя. В правой руке — раздутая сумка с продуктами, в левой — еще одна, доверху набитая тетрадами. Рука, которую я перевязывал, была скованна

в движениях. Я видел, как она перехватывала ручки сумок, как белели её костяшки и как на мгновение исказилось её лицо от боли, когда пакет дернулся.

Она не ловила такси. Стояла на обочине, ожидая автобуса, и ветер трепал полы её строгого пальто. Гордая. Одинокая. До одури упрямая.

Я заглушил сигарету о пепельницу, перекинул смеситель на соседнее сиденье и толкнул дверь. Тяжелый металл отозвался привычным сочным звуком. Я перешел дорогу в три шага, чувствуя, как асфальт пружинит под моими ботинками.

Она заметила меня метров за пять. Глаза расширились, спина мгновенно стала прямой, как натянутая струна. «Броня» включилась на максимум.

— Владимир? — голос её был сухим, как осенний лист.
— Что вы здесь делаете? Если по поводу Берта, то мы договорились: сорок восемь часов. Время еще не вышло.

Я не стал отвечать. Просто подошел и молча взял сумки из её рук. Она попыталась дернуться назад, вцепилась в ручки, но куда ей.

— Отдайте, Владимир! Что вы себе позволяете? Это... это неприлично! — она зашипела на меня, озираясь по сторонам, как будто я пытался её ограбить в центре города.

— Неприлично — это таскать такие тяжести с сорванным ногтем, Сергеевна, — я легко перебросил обе сумки в одну руку. Вторая у меня весила больше, чем весь её дневной ра-

цион. — И кран твой сам себя не поменяет. Я обещал прислать мастера, но подумал, что лучше сделаю сам. Мастера нынче пошли — одни понты и перекуры.

— Мне не нужна ваша помощь, — она попыталась вернуть себе властный тон завуча, но голос предательски дрогнул. — Я... я найду сантехника. Завтра.

— Завтра ты опять будешь сидеть в луже и выть, — отрезал я, направляясь к машине. — А мне нужно спать спокойно. Я долги не люблю, Аглая. Твои сорок восемь часов для моего сына стоят дороже, чем все смесители в этом городе. Пошли.

— Я не сяду в вашу машину! — крикнула она мне в спину.

Я остановился у пассажирской двери, открыл её и посмотрел на Аглаю. Она стояла на тротуаре — маленькая, бледная, на фоне серого школьного забора. В её взгляде было столько дикого, почти звериного упрямства, что на мгновение я даже зауважал эту женщину ещё больше. Стоит, губы в нитку, кулаки сжаты — того и гляди, в драку бросится. Но я-то видел, как у неё плечо подёргивается. Устала. Выгорела дотла за этот день, а всё туда же — марку держать.

— Не сядешь, значит? — я усмехнулся, намеренно медленно оглядывая её с ног до головы. — И как ты это себе представляешь? Потацишься с этими баулами до остановки? А там в переполненный пазик? А дома — снова холодная вода из ведра, потому что кран сорван? Аглая, не смей моих столяров. Ты едва на ногах стоишь.

— Это моё личное дело, как я стою на ногах, — отчеканила она, но голос предательски качнулся.

Я не стал больше спорить. Просто закинул её сумки на заднее сиденье — рядом с классным журналом, который Берт так удачно «потерял» — и обошёл машину. Остановился прямо перед ней. От неё пахло мелом, какими-то строгими духами с запахом соли и... смертельной усталостью.

— Послушай, Сергеевна. Я не из тех, кто приглашает на свидания под луной. Я мастер. Работаю с деревом, с кожей, с металлом. И я вижу, когда материал на грани излома. Ты сейчас — как пересушенный яшень. Один щелчок — и в щепки.

Я открыл перед ней дверь пошире. В салоне уютно мигнула подсветка приборной панели, пахло теплом и тем самым воском, которым я полирую столешницы.

— Садись. Довезу, поменяю твой хлам на нормальный смеситель и исчезну. Можешь потом вызвать экзорциста и окропить квартиру святой водой после моего визита, мне плевать. Но долг я закрою сегодня.

Она посмотрела на меня, потом на пустую остановку, где уже начала собираться толпа хмурых людей. Сентябрьский ветер хлестнул её по лицу, выбив одну непокорную прядь из идеально зализанного пучка. Аглая зажмурилась на секунду, и в этом жесте было столько бессилия, что у меня внутри что-то коротко и зло ворохнулось.

Она сделала шаг к машине. Тяжело, словно на каторгу. Забралась на высокое сиденье, стараясь не задеть порог сво-

ими начищенными туфлями. Я захлопнул дверь, и звук получился весомым — как точка в затянувшемся споре.

Когда я сел за руль, в салоне сразу стало тесно. Аглая вжалась в дверцу, отодвинувшись от меня так далеко, как позволяло пространство. Она сидела, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой. Прямая, как школьная линейка.

Я завёл мотор. «Патриот» отозвался низким, утробным рыком. Я включил печку — её пальцы, белеющие на тёмной юбке, были совсем синими от холода.

— Ремни, — буркнул я, выруливая со стоянки.

Она вздрогнула, потянулась к ленте, но её травмированная рука — та самая, с сорванным ногтем — неловко соскользнула. Она тихо шикнула от боли. Я молча перегнулся через неё. Аглая замерла, вжав голову в плечи и перестав дышать. Я чувствовал жар, исходящий от её кожи, видел мелкие поры на её щеке и тонкую сеть сосудов у виска. Она пахла не ванилью, слава богу. Она пахла чистотой и каким-то горьким ожиданием беды.

Щелчок замка прозвучал в тишине кабины особенно громко. Я вернулся в своё кресло, стараясь не думать о том, как близко было её лицо.

— Я могу заплатить за смеситель, — сказала она, когда мы выехали на проспект. — И за работу. Напишите сумму, я переведу на карту.

— Ты не поняла, Сергеевна, — я крутанул руль, обходя

неповоротливый троллейбус. — Деньги мне не нужны. У меня их хватает на то, чтобы не брать плату с женщин, которые спасают моего сына от колонии. Ты сделала свою работу, я сделаю свою.

— Это не работа, Владимир. Это... — она запнулась. — Просто так было правильно.

— «Правильно» в этом городе никто не делает, если за это не платят или не угрожают, — я мельком глянул на её профиль. — А ты подставилась под удар Виктора. Он тебе этого не простит. Будет выжидать, пока ты оступишься. Так что теперь ты в моей команде, хочешь ты того или нет.

Мы ехали молча. Город за окном расплывался в желтых огнях фонарей. Аглая смотрела на мелькающие витрины, и я видел, как её «броня» медленно, по миллиметру, начинает сдавать позиции. Глаза закрывались сами собой, голова клонилась к стеклу.

Когда мы заехали в её двор и я заглушил двигатель, она не сразу поняла, что мы на месте. Вздрыгнула, огляделась.

— Спасибо. Дальше я сама.

— Сумки дотащишь? — я усмехнулся и потянулся к заднему сиденью за смесителем.

Я вышел из машины, достал её пакеты. Она стояла рядом, не зная, куда деть руки. В свете фонаря её лицо казалось выточенным из слоновой кости — красивое, строгое и бесконечно усталое. Она была похожа на скрипку, у которой струны натянуты так сильно, что вот-вот лопнут с противным

ВИЗГОМ.

Я открыл перед ней дверь подъезда, пропуская вперёд.

— Садись, Сергеевна, — сказал я уже в лифте, видя, как она едва держится за поручень. — Я должников не люблю, а спать спокойно хочу.

Мы поднялись на её четвёртый этаж. В коридоре всё ещё витал слабый запах сырости — напоминание о пятничном потопе. Аглая открыла дверь ключом, вошла в прихожую и замерла, не включая свет. В квартире было темно, холодно и пугающе тихо.

Я шагнул следом, поставил сумки на пол и щёлкнул выключателем. Жёлтый свет залил её «музей». Всё на своих местах, ни одной лишней пылинки, но в воздухе стояла такая безнадёга, что захотелось немедленно открыть окна.

Я бросил на тумбочку коробку с латунным краном и обернулся к ней. Аглая стояла, привалившись плечом к косяку, и смотрела на меня так, будто я был инопланетянином, приземлившимся посреди её кухни.

— Говори, что у тебя сломалось, кроме жизни, — я начал расстегивать манжеты рубашки, закатывая рукава. — Кран я взял, а остальное — по ходу дела разберемся.

Она открыла рот, чтобы что-то возразить, но из горла вырвался лишь короткий, вымотанный вздох. Она просто махнула рукой в сторону кухни.

Глава 14

Тяжелые ботинки Вольфа оставили на светлом паркете в прихожей отчетливый влажный след. В любой другой ситуации я бы уже стояла над этим пятном со шваброй, вооружившись дезинфицирующим средством и лекцией о культуре поведения в жилом помещении. Но сейчас я просто стояла у стены, прижимая к груди правую руку, в которой пульсировала тупая, тягучая боль, и смотрела, как этот огромный человек бесцеремонно вскрывает пространство моей квартиры.

Вольф не спрашивал дорогу. Он прошел на кухню так уверенно, словно сам проектировал планировку этой сталинки. Его плечи казались слишком широкими для моих дверных проемов, а запах — терпкий, древесный, с нотками металла и холодного ветра — мгновенно вытеснил привычный аромат лавандового освежителя. Моя стерильная крепость, которую я так долго защищала от внешнего мира, сдалась без боя.

— Поставь сумки на стол, Владимир, — тихо произнесла я, следуя за ним. — И... спасибо.

Он не обернулся. Сумки — одна с моими скудными продуктами, другая с горой нелепых школьных тетрадей — опустились на кухонный стул с глухим стуком. Коробка со смесителем, которую он принес, легла на столешницу рядом с

вазой, в которой засыхали последние юбилейные лилии.

— Разуваться не буду, Сергеевна, — пробасил он, уже скидывая рабочую куртку. — Времени в обрез, а у тебя тут фронт работ как после артобстрела.

Он остался в одной темной футболке, которая облепила его торс, как вторая кожа. Я невольно отвела взгляд, чувствуя, как щеки обжигает непрошенный жар. Маскулинность этого человека была почти осязаемой, грубой и совершенно неуместной в моей вылизанной до блеска кухне.

Вольф открыл свой чемоданчик с инструментами. Щелчок металлических замков прозвучал как выстрел в тишине. Анатолий тоже имел инструменты. Они хранились в пластиковом ящике, который вечно стоял на балконе под грудой старого хлама. Когда в доме что-то ломалось, Толя начинал долгую прелюдию: сначала он полчаса искал нужный ключ, потом громко вздыхал, проклиная «кривые руки строителей», а потом требовал, чтобы я стояла рядом, светила фонариком и подавала ему детали, как ассистент хирургу-недочке. В итоге кран всё равно подкапывал, а я выслушивала лекцию о том, как тяжело быть мужчиной в доме, где «стены сделаны из дерьма и веток».

Вольф не просил фонарик. Он просто опустился на колени перед раковиной, и я услышала, как его суставы коротко хрустнули.

— Посмотри на это, — пробормотал он, заглядывая в темные недра под мойкой. — Шланги на соплях, гайки прики-

пели. Кто тебе это ставил? Слепой сантехник из ЖЭКа или муж-рационализатор?

Я замерла в дверном проеме.

— Анатолий занимался сантехникой сам, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Заметно, — хмыкнул Вольф. — Видишь это соединение? Тут резьбу сорвали еще при установке и замотали фумлентой в три слоя, надеясь на чудо. Чудо не случилось, Сергеевна. Радуйся, что ты только кухню залила, а не весь подъезд до подвала.

Он скрылся под раковиной почти наполовину. Я видела только его мощные ноги в потертых джинсах и спину, на которой под тонкой тканью перекачивались мышцы. В кухне стало тесно. И дело было не в его габаритах, а в той энергии действия, которая буквально вибрировала в воздухе.

Я подошла к плите. Чтобы не смотреть на него, чтобы хоть чем-то занять свои дрожащие руки. Травмированный палец напомнил о себе резким уколом, когда я попыталась взять чайник.

— Я сварю кофе, — сказала я в пустоту. — Будешь?

— Черный. Без сахара, — донеслось из-под мойки вместе со скрежетом металла. — И покрепче, если можно.

Я достала медную турку. Процесс помола зерен всегда меня успокаивал, но сегодня звук ручной мельницы казался слишком громким. Я наблюдала за Вольфом украдкой. Он работал молча. Слышны были только скупые, уверенные зву-

ки: щелчок ключа, глухой удар металла о металл, шурушание прокладок. Никакого нытья, никакой суеты. Он знал, что делает, и это знание транслировалось в каждое его движение.

Через десять минут аромат свежесмолотого кофе начал смешиваться с запахом машинного масла и чего-то острого, технического. Это сочетание было странным, почти интимным.

— Готово, — Вольф вылез из-под раковины, отдуваясь. На его лбу блестели капельки пота, а на щеке темнел мазок мазута. — Скидывай свой старый хлам в мусорку. Теперь у тебя тут стоит вещь, а не имитация.

Я поставила перед ним чашку на блюде из тонкого фарфора. Вольф посмотрел на миниатюрную посуду, потом на свои огромные, перепачканные руки и усмехнулся.

— Не боишься, что раздавлю? — спросил он, аккуратно беря чашку за ручку двумя пальцами.

— Она крепче, чем кажется, — ответила я, садясь напротив.

Мы молчали. Я пила свой кофе, чувствуя, как тепло разливается по телу, немного притупляя боль в руке. Вольф пил кофе так же, как работал — основательно, оценивая вкус.

— По поводу Берта, — первым нарушил тишину он. — Сорок восемь часов, которые ты выторговала у директора... Это было сильно, Сергеевна. Не ожидал от тебя.

— Я не могла поступить иначе, — я посмотрела в окно, где город уже окончательно погрузился в сумерки. — Я знаю,

как работает эта система. Если на кого-то вешают ярлык «виноват», разбираться никто не будет. А твой сын... он не вор, Владимир. Хам, бунтарь, провокатор — да. Но не преступник.

Вольф поставил чашку на стол. Его взгляд стал тяжелым, пронзительным.

— Он плавает в русском, — вдруг сказал он. — Совсем беда. Я репетиторов нанимал, но он их выживает через неделю. Хамит, срывает занятия. Говорит, что они «пластмассовые».

Я горько усмехнулась.

— Я для него тоже «пластмассовая». «Железная Вернадская» в футляре.

— Ты другая, — Вольф качнул головой. — Он это понял в субботу. Когда ты в кабинете директора вцепилась в этот телефон, чтобы он полицию не вызвал. Берт ценит силу, Англия. Настоящую, а не ту, что в должностных инструкциях прописана.

Он замолчал, рассматривая свои ладони.

— Давай так. Я не люблю быть должником, ты уже поняла. И я вижу, что твой дом разваливается без присмотра. Розетка в коридоре искрит, я заметил, когда входил. Полка в прихожей висит на одном честном слове. Шкаф в спальне, небось, тоже скрипит так, что спать мешает.

Я невольно покраснела. Он попал в точку. Анатолий никогда не доводил дела до конца, и за последний год в квар-

тире накопилось десятка два «мелочей», которые отравляли мне жизнь.

— Я приведу твою квартиру в порядок, — продолжил Вольф, глядя мне прямо в глаза. — Всё, что нужно прибить, прикрутить или починить — сделаю. А ты возьмешь Берта. Бесплатно. Будешь готовить его к ЕГЭ так, как умеешь только ты. Жестко. Без скидок на его характер. Если он начнет хамить — говори мне.

Я замаялась. Это был пакт. Сделка, которая связывала нас гораздо прочнее, чем просто «подвезти до дома».

— Почему бесплатно? — спросила я. — Мой час стоит...

— Потому что я не покупаю твое время, — перебил он. — Я предлагаю обмен. Мужские руки в обмен на твои мозги. Идет?

Я посмотрела на новую латунную ручку смесителя, которая сияла в свете кухонной лампы. Потом на свои перебинтованные пальцы.

— Идет, — тихо ответила я. — Пусть приходит в четверг. В шесть вечера.

Вольф кивнул, словно запечатал договор. Он встал, собрал инструменты в чемоданчик. В кухне сразу стало как-то пусто и просторно.

— Иди, проверяй работу, — он кивнул в сторону раковины. — Посмотри, не подтекает ли где.

Я подошла к мойке. Травмированная рука всё еще слушалась плохо, поэтому я медленно протянула левую ладонь к

рычагу. Но Вольф в этот же момент тоже наклонился, чтобы сделать финальный поворот гайки под раковиной — видимо, решил подтянуть соединение еще на четверть оборота для надежности.

Я открыла воду, и в этот момент его рука, горячая, тяжелая, пахнувшая металлом и мужским потом, накрыла мою ладонь на рычаге.

Мир вокруг нас просто перестал существовать.

Это было как удар током — резкий, болезненный и пугающе приятный разряд, который прошил меня от кончиков пальцев до самого позвоночника. Я почувствовала каждую мозоль на его ладони, почувствовав его пульс, который, как мне показалось, бился в том же рваном ритме, что и мой.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Сердце в груди сделало кульбит и застряло где-то в горле. Мы стояли в этой нелепой, слишком интимной позе бесконечные несколько секунд. Вода шумела, разбиваясь о нержавейку, а я чувствовала, как жар от его тела пропитывает мою блузку.

Первым отпрянул он. Резко, словно обжегся об открытое пламя.

Вольф выпрямился, и я увидела, как его челюсти сжались. Он не смотрел на меня. Его взгляд был прикован к смесителю, на котором всё еще дрожали капли воды.

— Принимай работу, Сергеевна, — его голос стал еще более хриплым, чем обычно. — Не течет.

Он подхватил свою куртку и чемодан, не оборачиваясь.

— Завтра приду, посмотрю твою розетку в коридоре. Она искрит, это опасно. Дверь закрой на все обороты.

Он ушел почти бегом. Хлопок входной двери отозвался в моей груди глухим эхом.

Я осталась стоять у раковины. Вода всё еще текла ровной, мощной струей. Я посмотрела на свою ладонь, ту самую, которую он только что сжимал. Кожа всё еще горела, а по телу продолжали бегать мелкие, покалывающие искры.

Двадцать лет я жила с Анатолием. Двадцать лет мы касались друг друга, спали в одной постели, целовались по утрам. Но я никогда, ни разу в жизни не чувствовала ничего подобного. Этот короткий, случайный контакт выжег во мне всё то, что я считала «правильным» и «контролируемым».

Я выключила воду. Тишина, воцарившаяся на кухне, больше не была одинокой. Она была наполненной.

Я подошла к мусорному ведру и медленно опустила туда старый, ржавый смеситель Анатолия.

Глава 15 (Анатолий)

от лица Анатолия

Ослепительный белый круг кольцевой лампы зажегся прямо перед моим носом, когда я еще пытался досмотреть сон о том, как ловлю трехкилограммового леща на тихом плесе. Реальность ворвалась в глаза едким светодиодным пламенем.

— Доброе утро, котята! Сегодня у нас супер-распаковка! — защebetала Рената, перегибаясь через меня, чтобы поправить штатив.

Её локоть чувствительно ткнул меня в бок. Я поморщился, натягивая одеяло до самого подбородка. В однушке Ренаты суббота наступала не с запаха свежего хлеба и тихих шагов Аглаи, а с цифрового штурма.

— Ренат, ну суббота же... Восемь утра, — прохрипел я, чувствуя, как в горле першит от сухого во

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.